

Кристина Зимняя

ЖЕНА

НА

ПОЛСТАВКИ

Кристина Зимняя

Жена на полставки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71271988

SelfPub; 2024

Аннотация

Фиктивный брак – все равно что работа на полставки. В обществе и для слуг ты жена, а для собственного мужа – приятельница, с которой можно провести вечер у камина, обсуждая прошедший день. Эльзу Брэмвейл такое положение дел более чем устраивало, пока... не появилась претендентка на ее место.

А тут еще и заклинание из анонимного письма неизвестно какой эффект оказало, и собственное прошлое внезапно начало раскрывать не самые приятные секреты.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	64
Глава 4	94
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Кристина Зимняя

Жена на полставки

Глава 1

Муж и жена – одна сатана.

Народная мудрость

Тихий семейный вечер: потрескивающий поленьями камин, мягкие кресла с высокими спинками и пуфиками для ног, приземистый круглый столик с булькающим на переносной плитке граджем¹, свечи и задушевная беседа – таковой, несомненно, идиллической картинкой предстала бы наша малая гостиная перед сторонним наблюдателем. Если бы, конечно, этот сторонний наблюдатель умудрился пробраться в Брэм-мол² в столь поздний час. Но все впечатление было бы бесследно уничтожено первой же услышанной фразой.

– И кто на сей раз?

Пожалуй, больше всего я всегда ценила в муже голос. Грэг умудрялся управлять им, как музыкант инструментом,

¹ горячий пряный слабоалкогольный напиток

² фамильные владения Брэмвейлов. Содержит суффикс -мол, имеющий значение «родовое гнездо».

извлекая любую интонацию – от умиротворяющего приглушенного баритона до командного баса – и, соответственно, настраивая слушателя на нужную реакцию. Всего одна короткая фраза, а я уже была готова с восторгом поделиться с супругом свежими новостями, хотя минуту назад еще планировала покапризничать.

– О, дорогой, ты будешь в ужасе!

– Неужели? – лениво поощрил меня Грэг, прищурившись, словно сытый хищник.

– Обязательно будешь! Алвин такой милый мальчик. Просто лапочка. Ты таких терпеть не можешь.

– «Милее» Зэйма? – добавив в голос яда, поинтересовался муж.

– Фи, – я демонстративно сморщила носик: – не напоминай мне об этом недоразумении. Алвин несравнимо выше этого долговязого нытика.

– Еще выше? – в притворном ужасе воскликнул Грэгори. – Помнится, Зэйм в двери проходил, исключительно втянув голову в плечи.

– Не издевайся! – Я шутливо погрозила супругу пальцем и мечтательно закатила глаза: – Вин... он такой... такой...

– Неописуемый! – услужливо подсказал муж.

– Да ну тебя! – Я отхлебнула чуть остывшего граджа из своего бокала и, буркнув: – Сам увидишь, – надулась.

– И когда же я буду иметь возможность лицезреть это средоточие совершенств? – опустошив свой кубок, продолжил

Грэг. Я мстительно помолчала с минуту, а потом не выдержала – никогда не могла долго злиться на мужа – и с прежним воодушевлением сообщила:

– Послезавтра на приеме Кручара³.

– Круг чародеев? Так он еще и маг? Милый маг?! – ужаснулся супруг. – Ветреная моя, а может, передумаешь? – Я молча покачала головой, с трудом удерживая серьезное выражение на лице. Муж вздохнул и поднялся с кресла. – Эту новость нужно переварить, – констатировал он, чмокнул меня в лоб и, заправив мне за ухо выбившуюся прядку, пожелал: – Волшебных снов, Эльза.

Шаги в коридоре, отделенном от гостиной массивной двустворчатой дверью, давно стихли, а я все еще ощущала тепло прикосновений. И невольно улыбалась, в который раз размышляя, как же мне повезло.

Под созерцание пляшущих в камине язычков пламени и новую порцию пряного травяного настоя перебирать воспоминания было особенно приятно. Даже те, что приятными не были.

Дело в том, что при всех моих достоинствах – привлекательной внешности, деньгах и более чем приличном происхождении – у меня имелся один, но очень существен-

³ разговорное название Круга чародеев, в который вступают все без исключения маги. Глава Круга регулярно ведет в специальном кабинете прием жалоб на магов и заявок на их услуги

ный недостаток. Я была невероятно влюбчива. Стоило только показаться где-то в пределах видимости симпатичному мальчику (юноше, мужчине), как я мгновенно теряла голову. Родители до этого позора, начавшегося, едва мне стукнуло тринадцать, к счастью, не дожили. Хотя один авторитетный врачеватель утверждал, что именно их ранний трагический уход и послужил причиной моей «эмоциональной нестабильности». Может, он и был прав. Как бы там ни было, тетка Марвейн со мной изрядно намучилась. Мало того, что я буквально сходила с ума по каждому очередному «идеалу»: круглосуточно расписывала всем его достоинства, слагала стихи, совершенно неприлично тарасилась на объект своей любви, планировала то побег, то свадьбу – так еще и остывала буквально через неделю-другую, переключаясь с тем же пылом на новый объект. В то время как прежний «возлюбленный» только-только вынужденно проникался выпавшим ему «счастьем» и настраивался на романтические отношения. Бедная тетя умаялась отваживать позабытых кумиров и словом, и силой – некоторые из них были столь настойчивы, что пришлось нанять парочку охранников.

Грегори Брэмвейл нарисовался в моей жизни столь стремительно, что я даже присмотреться к нему не успела. Поймал меня в темной нише за портьерой, где я обиженно хлопала носом после очередной тетушкиной нотации, и предложил платок, кошелек и имя. Первое я с благодарностью при-

няла, от второго сходу отказалась, а над третьим призадумалась.

После тетиного любимого, многократно повторяемого: «Допрыгаешься ты однажды, Эльза!» перспектива обзавестись надежным защитником от уже не интересных кавалеров показалась невероятно привлекательной. Вот так я и сменила родовое имя, статус и место жительства, переехав из Чарди-мола в Брэм. И очень долго понять не могла одного – почему я в Грэга тогда так и не влюбилась?

Впрочем, оно и к лучшему. Как и то, что сам он любить был не способен. Мы с Грэгори были как две стороны медали: я – вечно кем-то очарованная – и он – видящий лишь недостатки в окружающих. Наверное, сама ткачиха судеб – столапая паучиха Грис⁴ – предназначила нас друг для друга.

Утро того рокового дня началось для меня в районе полудня. В том смысле, что именно в это время я соизволила проснуться. Хайда, тут же нарисовавшаяся в дверном проеме с подносом, поспешила ехидно поведать мне, что хозяин опять не ночевал дома. Судя по неприкрытому злорадству кайры⁵, можно было подумать, что это случилось впервые, хотя вся прислуга наверняка лучше меня знала, где и с кем

⁴ богиня, изображающаяся в виде столапой паучихи, плетущей полотно судьбы. Ее еще называют ткачихой судеб

⁵ кайр (ж. р. кайра) – доверенный слуга (служанка), принесший подкрепленную магией клятву верности. Как правило, выбирается родителями и находится рядом с хозяином (хозяйкой) с самого детства

встречал рассветы мой дорогой супруг. Я зевнула, деликатно прикрыв рот ладошкой, потянулась и уселась, подложив под спину подушки, чтобы насладиться завтраком. Под блюдечком с джемом обнаружился довольно пухлый конверт. И необычного в этом факте было еще меньше, чем в каждой дневной чашечке отвара ромашки – записки от возлюбленных я получала регулярно. Мимолетно озадачившись вопросом, от кого же это письмо (уже от Алвина или еще от Джойса, которым я была увлечена на прошлой неделе), я вскрыла послание. Из недр конверта выпорхнула крупная бархатисто-черная бабочка. Она описала круг над кроватью и, в последний раз взмахнув крыльями, разлетелась на тысячи полупрозрачных лепестков, которые легли на одеяло символом разбитого сердца.

Это было красиво. И я невольно улыбнулась, подумав, что на сей раз роман обещает быть приятным. Алвин Виттэрхолт был пусть и слабеньким, но магом, и этот романтичный, хоть и несколько мрачноватый, сюрприз вполне был ему по силам. Но тут же пришедшая в голову мысль, что Джойс Саммермэт, чародеем не являвшийся, вполне мог позволить себе оплатить сотни подобных иллюзий, несколько подпортила радужные грезы. В пользу второй версии говорило и то, что получать знаки внимания от Алвина было еще рано. Я тряхнула конверт в надежде на карточку с подписью отправителя, способную разом развеять все сомнения. И кусочек картона действительно выскользнул из объ-

ятий плотной мелованной бумаги. Вот только вслед за ним на мои колени упал еще один предмет – крохотный, не больше ногтя на мизинце, ключик на алой шелковой ленточке. Прозрачный намек мне вовсе не понравился, я нахмурилась и потянулась за картонкой, чтобы узнать имя столь смелого поклонника, вот только вместо: «Я в восхищении! Всегда ваш, А.» или «Люблю! У ваших ножек, Дж.», – на розовом прямоугольнике, обрамленном траурной каймой, красовался незатейливый стишок:

*«Шаг вперед и два назад –
Тьмы повязка на глазах.
Чем пожертвовать готова
Кукла ради жизни новой?
Друг не друг, а день не день,
Когда путь уводит в тень.
Не бывает без потерь
Приоткрыта тайны дверь.
Если ключ не подобрать,
Замок можно и сломать...»* ⁶

Я прикусила губу, раз за разом озадаченно перечитывая загадочное послание. В бессмысленных, на первый взгляд, строках прослеживался какой-то странный ритм. Ключик мерно раскачивался на зажатой в пальцах ленточке в такт

⁶ Автор стихотворения – Кристина Зимняя

повторяемым про себя словам, а в голове все отчетливее звучала рваная, словно исполняемая неумехой-учеником, мелодия: «Пам-пам, пам-пам!». Глаза заволокло какой-то пеленой. Я сама не заметила, как начала, беззвучно шевеля губами, двигаться: вперед-назад, влево-вправо, вперед-назад... «Пам-пам, пам-пам...».

– Не к добру это! – ворвался в уши резкий голос Хайды. –
Всю кровать сажей изгваздали.

Я вздрогнула, мгновенно вернувшись в реальность, и отбросила и карточку, и ключик. Картонка вспыхнула и упала на кровать, оставив в воздухе облачко едкого зеленоватого дыма, а ключик, тихонько звякнув, улетел куда-то за туалетный столик. Стало по-настоящему не по себе – я понимала, что была в полушаге от забытья. Навеянного забытья – морока, цель которого, была мне неизвестна. Пожалуй, в тот момент я впервые в жизни по-настоящему испугалась...

Впрочем, испуг был не единственным «впервые» в тот день. «Случайно» опрокинув блюдце с рогаликами на пол и отослав Хайду на кухню за новой порцией, я поспешно встала, пересекла свою комнату, потом нашу общую «парадную» спальню и застыла возле скромной одностворчатой двери из темного дерева. Рука, уже занесенная для вежливого стука, зависла в воздухе. Странно... Я совершенно не боялась Грэга, но нарушить негласное правило о неприкосновенности личного пространства было почему-то страшно. Слово этот незначительный поступок мог пошатнуть надежность наше-

го союза. Тряхнув головой, словно прогоняя неуместные сомнения, я осторожно повернула дверную ручку и сделала шаг в неизвестность.

Спальня мужа действительно была для меня неизведанной территорией. Поэтому вопреки первоначальному намерению быстренько выяснить, здесь ли он и может ли со мной поговорить, я невольно стала крутить головой, оценивая обстановку. Царивший в комнате полумрак только раздражал мое любопытство. Хотелось распахнуть тяжелые узорчатые портьеры, не пускавшие солнечный свет, и изучить каждую мелочь – от мерцавших на стенах ночников до украшавших потолок фресок. Дверь, оставленная приоткрытой, вдруг тихонько скрипнула и захлопнулась. Этот не слишком громкий звук показался мне оглушительным. Я вздрогнула и, прекратив озираясь, как провинциалка в музее, направилась в глубину комнаты. Намек на то, что Грэг в любой момент может проснуться и застать меня за праздным изучением интерьера, вышел своевременным.

Ложе, а именно это слово больше всего подходило к данному предмету мебели, пугало своими габаритами. Моя не самая скромная по размерам кровать уступала этому монстру во всем – в длине, ширине, высоте, роскоши. Накрытый покрывалом холм, возвышавшийся посреди темных, неясного в полумраке цвета, простыней, выглядел тоже внушительным. На миг я даже засомневалась, а один ли мой супруг в этом свертке из расшитого вензелями бархата. Но сама

мысль, что лэйд⁷ Брэмвейл мог притащить в родовое гнездо любовницу, показалась настолько нелепой, что тут же покинула мою голову.

Добраться до «холма» оказалось не так уж и просто – пришлось встать одной ногой на ступеньку, коленом другой опереться на край кровати и только тогда я сумела дотянуться. Тихонько позвав мужа по имени, осторожно похлопала по предполагаемому плечу. И уже в следующую секунду с визгом отправилась в полет.

Приземление на дальнем краю ложа вышло на удивление мягким, но осознала я это далеко не сразу. Потому что в первый момент могла только беззвучно шевелить губами и перепуганно тарашиться в светящиеся глаза нависшего надо мной существа, сотканного из фосфоресцирующих нитей. Тяжелое холодное тело, придавившее меня от колен до груди, и ледяная рука, сжавшая горло, добавляли остроты ощущениям.

– Эльза? – хрипло спросило чудовище голосом мужа. – Что ты здесь делаешь? – Пальцы, словно извиняясь, погладили мою шею и соскользнули, давая воздуху доступ к легким. Я шумно вдохнула и попыталась отползти. – Прости, я не сразу тебя узнал! – продолжил Грэгори, переместившись с моего тела на кровать.

⁷ лэйд (ж. р. лэй) – обращение, которое изначально указывало на древность рода. Позднее любой, получивший магический дар, стал зваться лэйдом. Любая женщина, выйдя замуж за лэйда, становится лэй

– Я... я тебя тоже! – наконец удалось выдавить мне.

Грэг поднял руку, и я невольно шарахнулась в сторону, но он всего лишь потянул за шнурок над изголовьем. Шторы с тихим шорохом скользнули в стороны, заливая спальню солнечными лучами. Полумрак отступал, забирая с собой и кошмарный облик супруга. Хотя и при свете дня выглядел он не очень – запавшие щеки, чрезмерно выступающие скулы и ключицы, темные провалы под глазами и мертвенная, синюшная бледность никого бы не украсили. Но без сосудов, просвечивающихся в темноте сквозь истончившуюся кожу, и белесых глаз облик был скорее жалким, чем пугающим. А еще он наглядно свидетельствовал, что этой ночью муж работал, а не с девицами легкого поведения общался. Переохлаждение, упадок сил, хищная кровь⁸ – все признаки магического истощения налицо.

– Прости, я не хотел тебя напугать! – зябко кутаясь в покрывало, еще раз извинился Грэг.

– Это ты меня прости! – виновато вздохнула я. – Я не должна была вот так вот бесцеремонно вламываться.

– Ты что-то хотела?

Судя по виду, для самовосстановления ему требовалось еще часа три-четыре сна, но столько ждать я была не готова, а потому решительно потянулась к мужу и обхватила руками

⁸ при магическом истощении кровь мага временно меняет состав и начинает светиться; наиболее близкие к поверхности кожи сосуды даже просвечивают сквозь нее в темноте. И она действительно хищная, поскольку способна вытягивать энергию из того, к кому прикасается маг

его лицо. Ладони слегка закололо, словно сотни крохотных ледяных иголочек проступили на мужских щеках, но больно не было. Было любопытно. Я еще никогда не выступала в роли айры⁹ для мага. От дежурства в айронарии¹⁰ меня ограждал статус, а Грэг ни разу не просил поделиться энергией. Сперва я совсем ничего не ощущала, кроме пощипывающего ладошки холода, но постепенно по телу стали разливаться слабость и сонливость. Веки сами собой опустились, голова закружилась...

– Достаточно! – ворвался в затуманенное сознание голос мужа. На мои руки легли его, уже привычно горячие – температура тела у чародеев несколько превышала обычную для людей. – Тебе нужно полежать. – Он осторожно опустил меня спиной на кровать и укрыл.

– Я хотела... – попыталась было поделиться встревожившим событием я, но к моим губам прижался мужской палец.

– Тсс! Подожди немного, Эльза. Через пару минут станет лучше.

Я послушно умолкла. Муж принялся умело растирать мои похолодевшие ладошки. От запястий к плечам стало подниматься приятное тепло, прогоняя онемение. И через некоторое время я вдруг поняла, что снова полна сил. Распахнув

⁹ айр (ж. р. айра) – донор, позволяющий магу максимально быстро восстановить утраченные силы. Энергия лица противоположного пола быстрее и лучше усваивается

¹⁰ помещение в ратуше, где дежурят назначенные по жребию айры

веки, я встретила взглядом с серыми глазами Грэгори. На его вернувшем обычную смуглость лице появилась добрая улыбка.

– Спасибо, милая! – Он поднес мою руку к губам, слегка коснулся костяшек и аккуратно положил на кровать.

В поле зрения попал обнаженный торс мужа, я невольно вспыхнула и поспешила сесть, старательно отводя взгляд. Грэг хмыкнул и потянулся в изножье кровати за валявшейся там светлой лужицей рубашкой. Я невольно проследила за ним, оценив и игру мышц на спине, и низко сползшие из-за расстегнутого ремня брюки, и заставила себя отвернуться. Любопытство было естественным, но казалось нечестным. Наш договор не предполагал такого рода интимности и, застань я мужа за подобным разглядыванием, была бы искренне оскорблена.

– Все, я оделся, – сообщил Грэгори. – Так что у тебя случилось, Эль?

Я вздрогнула – уменьшительным именем меня называли крайне редко – и посмотрела на мужа. «Оделся» было слишком громко сказано – он всего лишь накинул рубашку, но так и не потрудился ее застегнуть, как, впрочем, и пояс, блестящая пряжка которого привлекала внимание к совсем уж неприличному. Я поглубже вдохнула, запретила себе опускаться взглядом ниже шеи собеседника и начала рассказ.

Чего у Грэга было не отнять, так это умения слушать. Он всегда терпеливо выносил мой восторженный щебет на тему

очередной покупки или очередного поклонника, не перебивал и даже поощрял чрезмерную словоохотливость, вероятно, понимая, что только с ним я могу быть откровенна. Из родни у меня были лишь тетка и пара кузенов, а подруг ввиду особенностей моей натуры не было вовсе. Практически все особи подходящего пола и возраста так или иначе становились жертвами моей влюбчивости, а те, кому посчастливилось быть обойденными вниманием, благоразумно держались подальше. Никому не хотелось приглашать в дом потенциальную угрозу спокойствию и благоразумию своих мужчин. Да и на приемах меня старались обходить стороной.

Талант слушателя и на сей раз мужу не изменил. Он хмурился, что пугало меня еще больше, чем само происшествие, но не перебивал, давая возможность высказаться. Я старалась подбирать слова, выстраивать фразы, чтобы максимально точно описать ситуацию, но то и дело срывалась на эмоциональные возгласы и жестикуляцию.

– Чтобы это ни было, подействовать оно не успело, иначе я бы заметил след при подпитке, – попытался успокоить меня Грег. – Надеюсь, ты ничего не выбросила?! – Я отрицательно покачала головой. – Умница! Тогда пойдем, покажешь!

Семеня за решительно зашагавшим к моей комнате мужем, я поймала взглядом отражение в зеркальной дверце шкафа. Мы оба были босиком и не совсем одеты, но Грегори в таком непривычно расхристанном виде почему-то казался крупнее, чем обычно. Я же, в пижаме и покрывале, кото-

рое потащила за собой, выглядела откровенно жалко, хотя была не в пример спокойнее, чем до набега на чужую спальню. Все-таки привычка во всем полагаться на мужа помогала чувствовать себя увереннее в его присутствии. Защищенное.

Перешагнув порог моей комнаты, Грэг не устремился сразу к кровати, а с интересом пробежался глазами по интерьеру. Я хмыкнула, вспомнив, как сама озиралась по сторонам совсем недавно.

– Нравится?

– Уютно! – кивнул муж. И это не было комплиментом. Предыдущая хозяйка Брэм-мола не отличалась хорошим вкусом, и свою часть хозяйских апартаментов я переделала сразу после свадьбы, ликвидировав все пылесборники, колченогие пуфики и пестрящие узорами и позолотой обои.

Черное сердце на бежевом шелке одеяла удостоилось лишь мимолетного взгляда, а вот прочим элементам послания внимания было уделено куда больше. Если точнее – конверт и розовая карточка подверглись тщательному изучению, а вот ключик куда-то пропал. Я, укрывшись за дверцей шкафа, сменила плащ из покрывала на халат и, отодвинув прикроватный столик, принялась осматривать пол, но ни алой ленточки, ни самого ключа нигде не было видно.

– Пропал! – раздосадованно сообщила я, поворачиваясь к Грэгу, облюбовавшему одно из двух плетеных кресел в нише у окна. В моей светлой, утонченно-женственной комнате Грэгори смотрелся чуждо, но на удивление привлекатель-

но. Я даже засмотрелась на миг. На лице мужа уже не было следов ни измождения, ни недавней хмурой сосредоточенности, лишь налет привычной снисходительной насмешки. И это успокаивало.

– Присаживайся, ветреная моя, – жестом указал мне супруг на второе кресло.

Я с готовностью подхватила с прикроватной тумбы поднос с завтраком и, переставив его на стеклянный столик, вплотную придвинутый к подоконнику, уселась напротив мужа. Уклад нашей личной жизни мог быть любым, но правила предписывали сервировать всегда на двоих, и в тот момент вторая чашка впервые пришлась кстати. Я степенно, словно матрона со стажем, разлила по чашкам ромашковый отвар, добавила мужу пол-ложечки меда, как он любил, и передала напиток. Грегори так же уверенно, словно этот простой ритуал в подобной обстановке был для нас повседневным, принял кажущийся в его руке крохотным элемент гэврского сервиза, сделал глоток и подчеркнуто ласково произнес:

– Признавайся, непостоянная моя, о которой из жертв своего сногшибательного обаяния ты забыла мне пове-
дать?!

Я даже оскорбилась:

– Грэг! – Муж в ответ на мой возмущенный возглас только слегка приподнял брови в немом вопросе и сделал еще один глоток. – Ты же знаешь, я всегда и все тебе рассказываю!

– Видимо, не все, Эль. Потому что отпечаток кокона¹¹ на этом конверте мне не знаком.

По сути, этой фразой он открыто признался, что изучает слепки¹² энергетической оболочки всех моих кратковременных возлюбленных. Но я об этом и прежде догадывалась. В конце концов, именно уверенность, что лэйд Брэмвейл – один из сильнейших магов Латии и охотник на калфов – попусторонних тварей из разлома, как никто другой, сможет позаботиться о безопасности супруги, и помогла мне год назад принять решение. А ведь к тому моменту я уже подумывала перебраться в Равнинную обитель. Девичью, разумеется.

Иногда я ужасно жалела, что родилась в семье третьего круга¹³. И не потому, что так уж желала быть чьей-то кайрой, как Хайда, или поварихой. Немногим больше меня привлекала и судьба торговки или учительницы, но проверке кровью Повелителей ни первый, ни второй круг не подвергались. Только третий считался достойным. И достаточно сильным, чтобы принять дар. Всего одна капля, полученная в храме Змея через неделю после рождения, а как она меняла жизнь! Кому-то, как Грэгори, везло больше всех – кровь приживалась в организме и, начав менять его в возрасте де-

¹¹ энергетическая оболочка, аура

¹² след, оставляемый аурой

¹³ традиционно общество делится на три круга: первый круг низший, третий – сродни аристократии

сяти-двенадцати лет, делала мальчика магом. Именно мальчика – чародеев женского пола можно было пересчитать по пальцам. Остальные же дети третьего круга, пережив продолжительную лихорадку, приобретали какую-нибудь особенность, которая проявлялась при взрослении. Так, подруга моего детства умела говорить с птицами, кузен Люрвиг – чувствовать воду, его брат Кардайл – оставлять выжженные отпечатки пальцев на любом предмете, тетка Марвейн – копировать голоса. Дар мог быть как полезным, так и абсолютно нелепым, но мой оказался совершенно ужасным именно для меня. Любой свободный от искренней сердечной привязанности, в кого я влюблялась, неизменно отвечал мне взаимностью. Нужно ли говорить, каким кошмаром оборачивалось мое непостоянство?!

– Эльза, ты меня слышишь?

Я вынырнула из своих размышлений, повторно наполнила протянутую мне чашку и ответила:

– Прости, дорогой! Я просто пыталась вспомнить, кого могла случайно не упомянуть. Но я действительно абсолютно всем с тобой делюсь. Может, это письмо прислала женщина?

– Возможно. Какая-нибудь брошенная особа, затаившая злобу, или не в меру деятельная родственница, – согласился Грэгори. – Я проверю, а заодно покажу карточку специалисту. К сожалению, ты активировала заклинание, и теперь это просто стихи, по которым так сразу и не определишь на-

правленность морока. – Грэг поднялся и направился к двери, прихватив с собой конверт и розовый кусочек картона. – Постарайся пока никуда не выходить, лучше ключик поищи! – Я согласно кивала, провожая мужа взглядом. – И, Эль, – на пороге Грэг обернулся и как-то бесшабашно, по-мальчишески улыбнулся: – Еще раз спасибо!

– За что? – не поняла я.

– За незабываемое утро, непредсказуемая моя!

Дверь с тихим щелчком закрылась, а я запоздало поняла, за что на самом деле было это спасибо. Я ведь вовсе не обязана была восстанавливать магический резерв мужа. Наши отношения подобного не предусматривали. Но это было такой мелочью в сравнении со всем, что Грегори для меня делал.

Прислуги в Брэм-моле было немного: повариха Альма и ее дочка Исми, помогавшая на кухне; Гальс – кайр Грэга; Хайда; садовник Лойс и Цвейг, который проживал в комнате над шипарием¹⁴. В последнем представителе персонала особой нужды не было, но свою небольшую коллекцию шипов Грэгори обожал, а возможности холить и лелеять не имел из-за постоянной загруженности работой. Потому и появился несколько месяцев назад в стенах просторного по-

¹⁴ своего рода гараж, помещение для шипов – каменных одно-, двух- и трехместных транспортных средств, получивших название за треугольную форму. Шипер – водитель

мещения, опутанного таким количеством сигнальных нитей, что и городская сокровищница бы позавидовала, угрюмый мальчишка. В доме Цвейг почти не показывался, на хорошенькую Исми, таскавшую ему еду, упорно не реагировал и даже ночевал среди вверенных его заботам каменных коней чаще, чем в своей комнатушке.

Зато пятерку хозяйских шипов парнишка обожал. Он мог часами полировать их покатые каменные бока и треугольное днище, тщательно оттирать малейшие пятнышки на стеклянном куполе и щеткой вычищать внутреннюю обивку. И так же продолжительно дуться из-за малейшей царапинки. Моему золотисто-рыжему одностемному крошке, такому изящному и миниатюрному рядом с мощными собратьями, тоже доставалась порция внимания и ласки, а мне – недобрые взгляды исподлобья. Управлять-то я умела, но вот мастерства в этом искусстве так и не достигла. Истерика, которую закатил Цвейг, когда однажды я вернулась на шипе со сплюсненным о дерево передом, была знатной. Каждый раз, залезая в обтянутое черным бархатом нутро Малыша в сопровождении тоскливых вздохов мальчишки, я чувствовала себя хищницей, крадущей детеныша у матери. Так что свадебным подарком мужа я пользовалась редко, предпочитая та-шип¹⁵ вероятности однажды быть убитой каким-нибудь особо острым инструментом из арсенала Цвейга.

Лойс, отменно присматривавший за обширным садом,

¹⁵ наемный транспорт с водителем, аналог такси. Та-шиппер – таксист

фонтаном и клумбами, в стенах мола так же был не частым гостем. Приходил раз в три дня из деревеньки неподалеку и в тот день не появлялся. Альма и Исми все утро носу не высовывали из кухни – перебирали ягоды для джема. Гальс уверенно утверждал, что среди доставленной почтальоном корреспонденции писем для меня не было. А кайра не менее уверенно заявляла, что конверт с надписью «Лэй Эльзе Брэмвейл дин Варейс» взяла со столика у лестницы. Сомневаться в ком-то из них не было причин – Грэг доверял своему слуге так же, как я Хайде.

По всему выходило, что таинственное послание, на котором остался неопознанный пока след кокона, но почему-то исчезло мое имя, возникло из ниоткуда. Бытовые перемещения предметов редкостью, конечно, не были – нашелся бы только чародей, желавший размениться на такую мелочевку. Вот только Брэм-мол – родовое гнездо мага. Причем мага далеко не в первом поколении. Кровь Повелителей прекрасно прижилась в жилах и отца моего мужа, и его деда, и прадеда. Старый дом был укрыт многослойными чарами от флюгера на западной башенке до потайного хода в подвале.

– Ну, и что скажешь, дорогая? – ловко разделявая жареную райку, поинтересовался супруг. Я неодобрительно посмотрела на порцию жирного мяса, очутившуюся на моей тарелке.

– Скажу, что Альма по-прежнему готовит исключительно для тебя, дорогой! Это болотное недоразумение, по ошибке

наделенное крыльями, ни одна уважающая себя лэй есть не станет.

– Ты преувеличиваешь, привередливая моя! – улыбнулся муж, накладывая мне тушеных овощей. – Я точно помню, что совсем недавно на ужин был столь любимый тобой абсолютно несъедобный салат.

– Это было неделю назад! И то лишь потому, – я обличающее ткнула в сторону Грэгори вилкой, – что Альма приболела, а Исми без присмотра спалила мясо. И если ты не поговоришь с этой старой интриганкой, вечно причитающей, что «мальчик опять исхудал», я найму еще одного повара. А когда они при дележе кухни дойдут до поножовщины, виноват будешь ты!

– Напугала! – рассмеялся Грэг, но тут же посерьезнел: – Вообще-то я хотел бы узнать, что ты думаешь насчет письма.

Я ковырнула содержимое тарелки и поморщилась. Вести легкомысленную беседу было куда приятнее, чем обсуждать так напугавшее меня происшествие. Вот только Грэгори был прав, не давая разговору сойти к привычной для нас безобидной пикировке.

– А что я могу думать? Представления не имею, кто мог оказаться настолько, – я помедлила, подбирая слово: – умелым, чтобы обойти защиту Брэма. И тем более не понимаю, кому это могло понадобиться. А еще куда более важным мне кажется, что по этому поводу думаешь ты.

Муж кивнул, словно подтверждая мою правоту, и, проже-

вав кусок райки, одобрительно заметил:

– Что я всегда ценил в тебе, Эльза, так это благоразумие.

– Тетя с тобой бы явно не согласилась, – грустно усмехнулась я.

– Лэй Марвейн, при всем моем уважении, не слишком наблюдательна и склонна придавать излишнее значение приличиям. Иначе она бы, несомненно, заметила твою способность вовремя отступить и не брать на себя слишком много.

– Не издевайся!

– Я совершенно серьезен. И, между прочим, в свете твоего благоразумия возникает вопрос: кто знает тебя настолько хорошо, чтобы предполагать, что ты покажешь письмо мне?

– Почему ты думаешь...

– Потому, что именно сегодня меня не должно было быть дома до самого вечера, а на конверт и карточку наложено самоуничтожение на два часа пополудни. И подобное совпадение кажется мне подозрительным.

В дела мужа я никогда не вникала, а потому могла только изумленно воскликнуть:

– До вечера?

– У Миста жена вот-вот родит, поэтому я временно его замещаю. И об этом может узнать любой, прочитавший указ на Рассветной башне¹⁶.

– То есть ты сейчас должен в кабинете председателя принимать посетителей?

¹⁶ ратуша в Латвии

– Да, должен. Но, – предвосхищая мой вопрос, продолжил муж: – вместо меня жалобы и просьбы выслушивает Коллейн под личиной.

Мое лицо невольно вытянулось от изумления. Амулеты, позволявшие менять внешность, были невероятно энергоемкими и использовались крайне редко. Чтобы восстановить свойства этой невзрачной на вид подвески, десятку магов приходилось выкладываться полностью.

– Но зачем такие сложности?

– Ночью был прорыв. Я истратил весь резерв и вдобавок повредил плечо – регенерация забрала остатки сил.

– А айронарий?

– Слишком многие пострадали, – помолчав, пояснил муж и негромко добавил: – а я женат.

Мне вдруг стало неимоверно стыдно. Признаться, до того момента я никогда не задумывалась об этой стороне жизни супруга. Я, естественно, была в курсе, что он маг и регулярно участвует в ночной охоте. О том, что после значительной связанной с даром деятельности чародей испытывает болезненную слабость, знали абсолютно все. И что большинство магов предпочитает подпитку чужой энергией самовосстановлению, тоже не было тайной. В айронарии круглосуточно находились готовые поделиться жизненными силами: как попавшие на дежурство по жребию, так и пришедшие по собственному желанию. А почему нет? Не больно, общественно полезно, да еще и шанс на перспективное зна-

комство дает.

Девушки на выданье из второго и даже первого кругов просто рвались добровольцами – а вдруг приглянешься молодому симпатичному магу? Тут тебе разом и богатство, и скачок по социальной лестнице. Чародею-то никто не запретит жениться – будь ты хоть последней прачкой, а мигом лэй станешь. А потому в айронарий и наряжались, как на праздник, и зельями, усиливающими привлекательность, не брезговали. Вот и повелось, что женатые мужчины, кроме случаев, когда подпитка была жизненно необходима, общения с айрами избегали. Ни к чему супруг на ревность провоцировать.

– Прости! Я не думала... Тебе нужно было только сказать, и я...

– Оставь! Если бы это действительно было проблемой, я бы непременно попросил! – отмахнулся Грэгори. – Суть в том, что я вернулся рано утром, хотя не должен был, и только поэтому успел увидеть письмо. А предполагалось, что вечером я обнаружу уже зачарованную Эльзу.

– Интересно, чем?

– Скорее, интересно, кем! Определив автора морока, узнаем и причину, и назначение этого рифмованного творчества. Ключ не нашла?

– Нет!

– Поищи еще раз! А я пока попробую проверить отпечаток кокона. И Коллейна домой отпущу, пока он кого-нибудь

из посетителей не загрыз. – Мы переглянулись и одинаково ехидно хмыкнули – способность заместителя Грегори выходить из себя была общеизвестна. – Будь умницей и не покидай Брэм-мола. А если вдруг почувствуешь желание взяться за любимый тесак Альмы и проредить ряды домочадцев, немедленно вызывай лекаря! И мне весточку послать не забудь! – проинструктировал меня муж, поднявшись из-за стола и чмокнув на прощание в лоб.

– Обязательно! Как только рука к чему-то острому потянется, – пообещала я, провожая супруга взглядом. Шутки шутками, но внимательнее отнестись к себе было совсем не лишним.

Всю ночь мне снились кошмары. Вооружившись увеличившимся втрое, а потому больше напоминавшим топор палача, чем кухонный инвентарь, ножом, я кралась по подземным лабиринтам от одного дома к другому. Потайные ходы, настроенные только на семьи чародеев, беспрепятственно пропускали меня. Кажется, первым был Коллейн. А может, Мист или Алвин. Головы магов валились к моим ногам, как кочаны капусты. Кровь, обычная, алая, фонтаном била из ран, пачкая стены, мебель и мое нежно-розовое короткое платьице в оборках. Я пробиралась из спальни в спальню, пока, наконец, не очутилась в бальном зале. Где тут же принялась танцевать под мелодию, что сама себе напевала «Шаг вперед и два назад, пам-пам, пам-пам...» Тесак в моей руке

описывал в воздухе изящные пируэты, а зарубленные жертвы этой безумной пляски оседали на пол, превращаясь кто в жареную райку, кто в миску с салатом. В какой-то момент напротив меня оказался Грэг, и мы закружились по залу, безжалостно растаптывая сомнительного происхождения пищу. Все слилось в одно пятно – алое, как лента, завязанная узлом на шее мужа. Она безжалостно впивалась в его кожу, а ключик раскачивался в расстегнутом вороте рубашки словно маятник. «Пам-пам! Пам-пам...» Я перевела взгляд с завораживающего предмета на лицо Грэгори. Оно уже посинело, а из приоткрытого рта свешивался набок распухший язык.

«Уморила мужа! – раздался за плечом знакомый голос. – И как тебе не стыдно, Эльза!»

Я дернулась, вырывая руки из холодных ладоней супруга, и... проснулась.

– И не стыдно дрыхнуть в такой день? – стягивая с меня одеяло, проворчала Хайда.

Такой – это день иллары, обязательного раз в четыре декады посещения храма Змея. Собираться туда после безумных сновидений, естественно, не хотелось, но и проигнорировать церемонию было никак нельзя. Вообще, проверка на одержимость калфами уже лет триста была всего лишь формальностью, но попробовал бы кто-то не явиться в положенный день без уважительной причины. В детстве я ужасно боялась проходить сквозь кольца каменного змея. Мне каза-

лось, что они вот-вот начнут сжиматься и раздавят меня в своих холодных тисках. А огромные огненные глаза с угольными полосками зрачков, пронизывающие ярким светом у самого выхода, заставляли худенькую малышку, которой я тогда была, испуганно зажмуриваться и жаться к отцу.

Страх с годами уходил, но неприязнь оставалась. Из рассказов Грэга я знала, что регулярность иллары вовсе не блажь жрецов, а насущная необходимость. И что кольца каменной твари образуют специальное поле, уничтожающее любую заразу, а поток света позволяет дежурному магу вовремя обнаруживать значительные повреждения кокона. Но желания посещать храм эти знания мне не добавляли.

– Что-то узнал? – прошептала я встретившему меня на центральной площади супругу, едва успев шагнуть из та-ши-па на мостовую. Дома Брэмвейл со вчерашнего вечера не появлялся и вид имел несколько помятый.

– Потом поговорим, нетерпеливая моя, – с широкой улыбкой, адресованной проходившей мимо пожилой паре, тихо ответил муж.

– Потом ты опять сбежишь на работу или к любовнице, – процедила сквозь зубы я, не менее широко улыбнувшись лэй Варс, славившейся своей любовью к сплетням. Эта долговязая блондинка с водянистыми глазами была готова сожрать меня без соли и приправ в любой день недели, и давать ей дополнительный повод распускать слухи было совсем ни к

чему. В чем-то я Огасту понимала. Пусть и косвенно, но в разрыве ее помолвки три года назад была моя вина. Ее женихом Риландом, оказавшимся редким занудой, я была увлечена всего-то четыре дня, но кузен Люрвиг выбрал именно это время, чтобы «в страшной тайне» поведать своим болтливым друзьям об особенностях моего дара. То есть о том, что он не действует на тех, чье сердце занято. Пожалуй, именно тогда меня и стали ненавидеть и опасаться представительницы слабого пола. Временное помутнение рассудка мужей, нареченных и просто поклонников мне прощали – ведь никто из нас не выбирал, чем именно наградит его кровь Повелителей, и не был властен над этим «сувениром». Но как простить невольное обличение во лжи и крах иллюзий? Кому же охота со стопроцентной уверенностью убедиться, что все слова о любви – откровенная ложь?

– Сегодня, дорогая, все мое внимание будет исключительно твоим, – вырвало меня из плена печальных мыслей обещание мужа. Грэг привычно предложил мне руку, и мы пошагали к похожему на пасть входу в храм.

– Ловлю на слове! – сообщила я напоследок, перед тем, как нацепить на лицо приличествующую мероприятию торжественную мину.

Честно говоря, я немного опасалась, что всевидящие очи каменного змея высветят какой-то изъян. Ведь заклинание, по словам Грэгори, все же было активировано, хоть и не оставило заметного следа на моей энергетической оболочке. Но

не мог же обычный, хоть и сильный чародей, равняться с магией Повелителей, которой был пропитан каждый кирпичик в храме. Однако все прошло как обычно, если не считать синяков, оставленных на предплечье мужа моими судорожно сжимавшимися пальцами.

Библиотека в Брэм-моле была не чета тетиной. В ней хранились не только романы и сборники вышивок. Несколько полок занимали купленные Грэгори учебники по шипостроению – мальчишкой он мечтал выплавлять лучших в мире каменных коней. Два стеллажа радовали глаз ровненькими рядами кожаных обложек с трудами по ботанике, принадлежавшими бабушке мужа. Но моим любимым был самый дальний шкаф с пыльными потрепанными томами. Там прятались собранные еще пра-пра-пра-прадедом Брэмвейла легенды и сказки. Не те, что можно было приобрести в любом магазине, а старые – полные чудес и волшебных созданий. Истории, в которые верили еще до сошествия Великого Змея и прихода Повелителей.

Желтоглазых было всего-то две сотни, но наш мир они изменили раз и навсегда. Канули в небытие войны и эпидемии, загаженные навозом улицы и свечи. На смену ездовым животным пришли шипы для богатых и громоздкие многоместные стрелы для бедноты. Вот только вслед за желтоглазыми Владыками из пролома, образовавшегося там, где упал принесший их небесный Змей, на поверхность выбрались кал-

фы. Сперва Повелители справлялись с бестелесными хищными тварями при помощи огнедышащих крылатых чудовищ, а потом отобрали восприимчивых к магии людей и поделились с ними кровью.

Старый мир был примитивнее, но разнообразнее и... свободнее. Пусть чародеи были только в сказках, а смертность от болезней – невероятно высокой, зато каждый мог выбирать, чем ему заниматься и где жить. Короли прошлого не отличались добротой и щедростью, но любой слуга, накопив денег, мог стать владельцем крохотной лавочки, а любой аристократ – увлечься разведением лошадей или вовсе ничего не делать. Теперь же родившийся в первом круге не имел права заниматься торговлей, а во втором – стать поваром. Разве справедливо, что Грэг, буквально бредивший шипами, был вынужден стать охотником лишь потому, что, на свою беду, оказался слишком сильным магом? Разве правильно подвергать детей третьего круга проверке кровью еще в младенчестве, даже не давая им шанса отказаться от сомнительного дара?

До замужества я могла уехать куда угодно, а Брэмвейл с четырнадцати имел право проживать лишь в одном из двадцати городов, цепью окружавших разлом. Обеспечивать безопасность – долг перед обществом? Расплата за полученные способности? Но разве он о них просил?

Листая старинные книги, я часто задавалась этими вопросами, но ответов, естественно, не находила. А делиться по-

добными рассуждениями не рискнула бы даже с друзьями, если бы они у меня были. Уж слишком отличалось мое мнение от общепринятого. Никто уже и не помнил, что не всегда нами правили бессмертные желтоглазые, безразличные ко всему, кроме такого же желтого металла. И что вместо шахадов¹⁷ были страны с разными обычаями, языками, законами.

– Опять в картинки уткнулась? – бурчала Хайда, буквально впихивая мне в руку пирожок. – Как маленькая – все сказки тебе подавай! Лучше бы за своим питанием следила.

– Для этого у меня ты есть! – улыбнулась я. Иногда, увлекшись чтением, я действительно забывала поесть. Нетерпеливо ожидая Грэгори, которого все-таки вызвали на работу прямо со ступенек храма, книжку я выбрала по-настоящему интересную, чтобы надежно отвлечься и не коситься на дверь каждую минуту.

– Ты есть, – ворчливо передразнила кайра, наливая настой ромашки в мою любимую пузатую кружку. – Я-то есть, а вот мужа скоро не будет. – Я привычно отмахнулась от слов Хайды – стращать меня разводом, если «за ум не возьмусь», было ее любимым делом. – Машет она! Вроде взрослая девка, а дура душой! Такой мужик пропадает, э-э-эх...

– Мужик не жалуется.

– А чего ему жаловаться? Жена дурная, так на стороне умная найдется да к рукам приберет.

¹⁷ территория, подвластная Повелителю

Обычно я не обращала внимания на подобные причитания, но в тот момент что-то в словах кайры меня вдруг задело. Неприятное чувство было новым, незнакомым... Интуиция? А что если...

– Ты сейчас о ком-то конкретном говоришь или просто туманными намеками пугаешь? – отложив надкушенный пирожок, поинтересовалась я.

Хайда немного помолчала, поправила кружевной воротничок своего строго платья и, отводя взгляд, мрачно сообщила:

– Да какой уж тут туман. Есть одна. Вернее, не одна – претенденток хватает – но эта уж больно наглая. Так и вертится возле хозяина: юбкой крутит, декольте трясет да ресницами хлопает.

– Кто такая? Откуда знаешь?

– Сестра его заместителя. А знаю от Гальса – тот книги в башню возил и сам эту девицу видел, ну и слышал кое-что.

Смутные подозрения в моей голове начали выстраиваться в логическую цепочку. Влюбленная девушка, брат которой – и маг не из последних, и в Брэм-моле бывал не раз... А вдруг то письмо – их рук дело, и под воздействием морока я должна была или тихо скончаться, освободив место рядом с Грэгори, или выкинуть что-нибудь такое, что заставило бы мужа со мной развестись? Версия была вполне жизнеспособной, хоть и очень неприятной. Но самым скверным было то, что я не знала, стоит ли делиться ею с Грэггом. А что если... Что

если он не был против такой перспективы?

Глава 2

Перед женитьбой держи глаза широко открытыми, после – наполовину закрытыми.

Пословица североамериканских индейцев

Сказки были позабыты, пирожок заветривался на блюде, ромашка остывала – в моей не особо привычной к мыслительному процессу голове шла напряженная работа. Я буквально чувствовала, как со скрипом, словно давно не смазанные дверные петли, крутятся шестеренки. Конечно, это было всего лишь образом – что-что, а анатомия входила в перечень обязательных для изучения предметов, и об устройстве мозга я представление имела, но воображала его почему-то всегда в виде сложного механизма.

Мой экземпляр был пыльным, местами проржавевшим и не слишком отлаженным. Да и о чем могла размышлять лэй? Что на ужин заказать да что к этому ужину надеть. Женщинам третьего круга работать не пристало, а уж женам магов и вовсе было запрещено. Их задачами были исключительно забота о супруге и, главное, произведение на свет потомства. Меня это главное, в силу особенностей нашего с Брэмвейлом союза, не занимало. А чтением книг я скорее воображение развивала, чем способности к анализу, которые мне куда

больше бы пригодились в решении важного вопроса. Мог ли Грэгори желать от меня избавиться? Тем более таким сложным способом, а не банально попросив развода.

Признаться, всерьез задумываться, зачем он на мне женился, мне раньше не приходилось. Поначалу я была слишком ошарашена свалившимся на меня предложением от совершенно незнакомого мужчины, о котором я только пару сплетен слышала. Потом – слишком довольна тем, как просто оказалось приспособиться к новой жизни. А после как-то и повода рассуждать на эту тему не было – мы оба были полностью довольны своими отношениями. Или один из нас лишь казался таковым?

Причиной, побудившей Грэга заключить столь странный брак, я поинтересовалась лишь однажды. И его ответ на тот момент меня вполне устроил. Маги, особенно охотники, были обязаны заводить семью. А лэйд Брэмвейл хоть и был уже вдовцом, но бесконечно ссылаться на траур по безвременно почившей супруге не мог, поскольку не имел наследников. Вот только... Даже если после смерти Эдиллии Грэгори не желал обзаводиться настоящей женой, почему именно я? С моей ненормальной влюбчивостью и несчастливой особенностью, усугубляющей ситуацию. В скрип шестеренок тревожным звоном ворвалась некстати всплывшая в памяти картинка с теткой, причитающей над поспешностью заключения союза и вздыхающей по уплывающему из семьи наследству. Марвейн Чарди до последнего надеялась сосва-

тать меня за одного из своих сыновей. К счастью, эта идея не нашла отклика ни в Люрвиге, ни в Кардайле.

Может быть, поразмыслив часа два, я бы успокоилась и нашла какой-нибудь ответ, что развеял бы тень сомнений и позволил мне и дальше безоговорочно доверять мужу, но процесс был прерван самим объектом моих дум.

– Заждалась? – с порога спросил Грэгори.

Я смирила его взглядом, куда более внимательным, чем обычно. Лицо супруга выглядело немного усталым – под серыми глазами залегли не менее серые тени, смуглая кожа тоже несколько поблекла. Работал... или? В поисках «или» я изучила одежду, старательно, но, к счастью, безуспешно высматривая непорядок. На шее не виднелось засосов, на вороте рубашки – помады, а темно-каштановые волосы вполне могло растрепать ветром. Впрочем, с моей стороны было глупым рассчитывать на откровенные свидетельства пылкой встречи. А даже если бы таковые и были – чего Грэг никогда себе не позволял прежде – предъявлять претензии я все равно не имела права.

– Есть? – громко прошептал он.

– Что есть?

– Чешуя? Третья нога? Звезда во лбу? Тебе виднее, что ты высматриваешь!

Я открыла рот, чтобы, по привычке, поделиться с мужем своими рассуждениями, но вместо этого неожиданно соврала:

– Прикидываю, какой костюм тебе заказать на маскарад.

– До Змеева дня¹⁸ еще три месяца, предусмотрительная моя! – рассмеялся муж, усаживаясь рядом со мной на диван и вытягивая ноги.

– Устал?

– Да! – коротко ответил Грэгори.

– А зачем тебя вызывали? – потянув за шнурок звонка, спросила я.

– Ивис не вернулся с дежурства. Пришлось график пере-
краивать.

Мне стало стыдно. У мужа товарищ погиб, а я его Змей знает в чем подозреваю. Охотники редко теряли своих, но это все же случалось и касалось каждого из них.

Муки совести были прерваны явившейся по звонку Исми. Попросив ее принести свежего отвара и поторопить Альму с ужином, я решила отвлечь мужа и напомнила о новостях, которые он обещал поведать мне после иллары. Вопреки моим ожиданиям он только еще больше нахмурился.

– Я договорился на сегодняшней вечер, чтобы карточку с заклинанием посмотрел специалист.

– И что он сказал? – мне так не терпелось хоть что-то узнать, что я готова была, словно ребенок, запрыгать на месте.

– Ничего! – мрачно отозвался Грэгори. – Письмо пропало.

¹⁸ праздник в честь сошествия Великого Змея

Ужин проходил в тягостном молчании. Для меня тягостном. Муж с видимым удовольствием поглощал свое любимое и совершенно не переносимое мной рагу, а в остальном выглядел абсолютно спокойным. Словно каждый день с его стола, из его кабинета в Рассветной башне бесследно исчезали документы. А ведь ратуша Латии не зря звалась Рассветной – из-за многослойных защитных чар она постоянно испускала мягкое розоватое свечение, так похожее на зарю. Зайти в здание, конечно, мог любой – приемные дежурного охотника, главы Кручара и лэйдара¹⁹ были ежедневно открыты для посетителей. Не говоря уже об отделе регистрации сделок, где всегда была толпа народу. Зайти, но не прокрасться незамеченным. Кроме опутывавшей стены магии, охраны и секретарей, мимо которых нужно было пройти, на каждой двери имелся специальный механизм, фиксировавший отпечаток кокона каждого, кто переступал порог.

Лекцию на эту тему я услышала от дорогого супруга сразу после признания в утере конверта. И призвана она была убедить меня, что, разумеется, загадочное послание никак не могло быть похищено, а всего лишь затерялось среди прочих бумаг и непременно найдется уже завтра. Столь несерьезное отношение мужа, да еще наложившееся на мои недавние размышления, заставило еще больше насторожиться. Ветреной, поверхностной и легкомысленной в нашей семье была я, и попытка Грэгори узурпировать эту роль не могла пройти ми-

¹⁹ глава светской власти в городе. Что-то вроде мэра

мо моего обостренного обстоятельствами внимания. Как и абсолютное игнорирование супругом подавленного состояния, скрыть которое я особо и не старалась. Его равнодушие и безразличие – неужели это подтверждение его участия в...

– Эльза, прекрати дуться! – внезапно, отложив вилку и тяжело вздохнув, произнес муж. – Я обязательно найду этот треклятый конверт.

– Тот, что «сдуло сквозняком со стола»? – съязвила я, процитировав одну из нелепых версий, озвученных Брэмвейлом в библиотеке.

– Тот, что кто-то стащил, пока я был у Миста.

– А как же твое «там никого не могло быть»? – ввернула я еще одну из реплик супруга.

– Не могло! – согласился Грэг. – Но кто-то все-таки был. Совершенства не существует – в любой охранной системе можно найти лазейку.

– А зачем ты мне внушал, что нельзя? – немного оттаяла я.

– Пытался тебя успокоить, недоверчивая моя, – грустно усмехнулся Грэг, снова принимаясь за еду.

– У тебя не получилось! – констатировала я, следуя его примеру. Запеканка на моей тарелке, безжалостно терзаемая до того, неожиданно приобрела вполне приемлемый вкус.

– Я заметил.

– Неужели в кабинет совсем никто не входил?

– Никто, кроме меня и Коллейна с Риадой, – подлив в мой

бокал разбавленного водой вина, уточнил супруг.

Шестеренки в голове щелкнули, замерев в занятой позиции.

– Риада?

– Сестра Коллейна.

– А что она там делала?

– Крошка часто заходит. Ей нравится возиться с бумагами.

– Крошка? – уподобившись глупому эху, снова переспросила я. – Сколько же ей лет?

– Восемнадцать, – улыбнулся муж, – только-только из пансиона.

– Красивая? – продолжила допрос я, ничуть не успокоенная услышанным. Скорее наоборот – то, как потеплел голос Грэга, и смягчившееся выражение его лица мне решительно не понравилось.

– Скорее очаровательная. Знаешь, эдакое хрупкое робкое создание с огромными глазами на нежном личике, пушистыми локонами и вечным румянцем смущения.

Мне невольно подумалось: «А смущения ли?» Эта «робкая» лэй могла краснеть совсем по другой причине. В признаках влюбленности я разбиралась, как никто. И приливающий к щекам жар вполне мог появляться на физиономии этой девицы исключительно в присутствии моего мужа. Чем не классическая история – молоденькая восторженная выпускница и взрослый, опытный, наделенный властью

привлекательный мужчина? А Грэгори действительно был таким. После свадьбы на меня не только подруги, невесты, жены и родственницы жертв моего дара голодной шаерой²⁰ взирали. К этому отряду эльзоненавистниц присоединились стройные ряды девиц, которых я обошла в охоте на кошелек и руку лэйда Брэмвейла.

Дальнейший разговор не клеился. Я все глубже погружалась в омут невеселых размышлений. Больше всего удручало то, что поделиться мне было решительно не с кем, и потому собственное одиночество ощущалось особенно остро. С мужем я так и не рискнула обсудить свои подозрения – даже если бы я полностью убедилась в его непричастности, вероятность того, что Грэг всерьез воспримет обвинения в адрес заместителя, которому абсолютно доверял, была мизерной. Не говоря уже о предполагаемой роли «крошки» Риады. В лучшем случае Грэгори бы просто посмеялся над моими умозаключениями, а в худшем – пригласил лекаря.

Не добавило оптимизма и то, что Брэмвейл ушел сразу после ужина. И, судя по одежде и ярко-красному шипу, оправился он отнюдь не на работу. Наблюдая за отъездом супруга из-за занавески, я чувствовала себя крайне нелепо, но просто спросить, куда и зачем он идет, не могла. Целый год мне не было никакого дела до его приходов и уходов, как и до того, чем и с кем он занят, и проявлять столь внезапно возникший интерес было, как минимум, глупо. Утешало одно

²⁰ хищное животное наподобие гиены

– в столь поздний час Брэмвейл никак не мог встречаться с юной особой из порядочной семьи. Но сильнейшего желания последовать за супругом даже эта мысль не могла подавить. С этой задачей справился здравый смысл – мой рыжий Малыш был весьма приметен и, естественно, отлично знаком Грэгу. Не говоря уже о том, что отсутствие «младшего» подопечного было бы непременно замечено Цвейгом, доложено Исми, а в результате мое совершенно нетипичное поведение обсуждали бы все без исключения слуги. Может, пора менять привычки?

Проводив остроносый алый шип взглядом, я отвернулась от окна и... ошарашенно уставилась на такую же алую ленточку, красовавшуюся посреди покрывала. Ту самую – с крохотным ключиком – что я безуспешно искала два дня. И перед ужином ее там точно не было. Была ли лента, когда я зашла в комнату, я сказать не могла. Услышав сквозь приоткрытую дверь библиотеки, где выбирала себе книгу на вечер, шаги мужа на лестнице и, осознав, что он уходит, я буквально влетела в свою спальню, из окон которой открывался прекрасный вид на ворота Брэм-мола. И, конечно же, спеша занять наблюдательный пост, по сторонам я в тот момент не смотрела.

Остановившись рядом с кроватью, я уставилась на ленту, как на ядовитую змею. Если бы ключ нашла Хайда, то она положила бы его на тумбу или на столик у окна, но явно не на постель. Так каким образом он здесь оказался? И где был

до того? Ведь я заглянула в каждый уголок в поисках этого крохотного кусочка металла. Неужели Грэгори, отправившись переодеваться, прошел через парадную спальню и оставил мне этот неприятный сюрприз? Или неизвестный маг, однажды уже умудрившийся обойти защиту родового гнезда Брэмвейлов при доставке конверта, настолько обнаглел, что переместил свой потерявшийся подарок? Самым скверным было то, что я не могла определить, какая из двух версий пугает меня больше.

С ключом нужно было что-то делать. Брать его в руки я не рискнула. Ждать мужа, чтобы этим занялся он, было бессмысленно. Во-первых, мне нужно было где-то спать, а во-вторых, после пропажи письма, я не была уверена, что готова поделиться с супругом своей находкой. Быть может, стоило показать последний оставшийся у меня элемент покушения какому-нибудь магу в городе? Но как?

Через пару минут раздумий меня осенило. Я метнулась к шкафу и выудила из его недр коробку, обтянутую синим сафиром с серебряными звездами. Про приготовленный ко дню рождения мужа сюрприз я вспомнила очень кстати. Подношения для чародеев часто заворачивались в этот чудный материал, надежно отсекающий любую магию, чтобы одариваемый не узнал о содержимом коробки прежде, чем ее откроет. Такие свертки принимали только от самых близких, от тех, в ком нисколько не сомневались. Но если неделю назад я ни секунды не колебалась, заказывая именно такую

упаковку подарка, то теперь уже могла лишь гадать, доверяли мне Грэгори настолько.

Сафировых перчаток, в которых обычно работали артефакторы, у меня конечно же не было, а потому обертка, безжалостно содранная с коробки, пришлось кстати. Я осторожно подпихнула кусок синей пленки под ключ, стряхнула его в свернутый из того же материала кулек и, тщательно обмотав, положила во внутренний кармашек сумки. Покрывало улетело в угол комнаты, а кровать, после тщательного перетряхивания простыней, была все же признана безопасной. Но... надо ли говорить, что я совершенно не выпалась?

Проворочавшись всю ночь, вскакивая от малейшего шороха и бросаясь к окну, чтобы в сотый раз убедиться в пустоте подъездной аллеи, к утру я чувствовала себя совершенно разбитой. А еще, впервые за год, я закрыла двери. Обе – и ту, что вела в коридор, и в общую спальню.

Из полудремы, в которую я впала значительно позже рассвета, меня вырвала Хайда, вынужденная упорно стучать в створку ногой, поскольку руки ее были заняты подносом. Кайра, окинув цепким взглядом смятую, словно на ней куврыкались, постель и задержавшись на моем, вероятно, не менее помятом лице, даже язвить не стала. Молча поставила поднос на столик у окна и ушла, чтобы вернуться минут десять спустя со льдом и какими-то примочками.

Лишь через час я сумела вырваться из ее цепких рук и

сбежать в кабинет – единственное помещение во всем доме, где Хайда не могла достать меня ни масками для улучшения цвета лица, ни наставительным бурчанием для улучшения поведения. В эту небольшую квадратную комнату чары не пускали никого, кроме меня и мужа. Устроившись на коротком двухместном диванчике, чтобы спокойно подумать, на нем я и провалилась в тяжелый тревожный сон.

Залитая гураном²¹ дорога серо-желтой холодной скользкой полосой стелилась под босые пятки. Тапочки на невысоком каблучке бесполезным грузом болтались в руке. Халат, так и норовивший сползти с плеча, путался в ногах, мешая бежать. Деревья-исполины нависали с обеих сторон, почти закрывая беззвездное небо, и лишь присыпанные фасваром²² обочины освещали путь. Моему хриплому дыханию вторил мерный гул преследователя. Ярко-алый шип то немного отставал, то снова летел в паре шагов от меня, словно играл. Я то и дело оборачивалась, силясь рассмотреть, кто же управлял каменным конем, но в ночи его стеклянный купол был почти непрозрачным. Бежать становилось все труднее, я споткнулась раз, другой и, неловко наступив на подломившуюся ногу, рухнула на дорогу. Перевернулась, пытаюсь подняться, но сил уже не было. Змеем проклятый шип все прибли-

²¹ двухкомпонентное дорожное покрытие, сродни асфальту

²² горная порода, светящаяся в темноте. Используется для отделки зданий, а в измельченном виде для светильников, освещения дорог и ландшафтного дизайна

жался. Я захватила горсть фасвара и швырнула ее как можно дальше. Мерцающая масса, рассыпавшись облаком, высветила сидевшую за трехпалой рукоятью кудрявую куклу в голубом платье невесты. Вместо лица у нее был белый бесформенный блин с яркими пятнами румянца. Внезапно за плечом этого уродца возникла голова мужа. Сильная смуглая рука легла поверх хрупких белых пальцев. «Ты больна, Эльза!» – с делано сочувствующей улыбкой произнес Грэг и... надавил на рычаг.

– Эльза! Очнись, Эльза! Ты заболела?

Я распахнула глаза и в ужасе уставилась на встревоженно-го Грэгори, который, склонившись над диваном, тряс меня за плечи.

Не начать вырываться и не завизжать стоило мне определенных усилий.

– Отпусти! – охрипшим голосом попросила я и, спустив ноги на пол, села, едва муж ослабил хватку.

– Что с тобой? – устраиваясь на диване рядом со мной, спросил супруг.

– Сон плохой приснился, – отозвалась я, вполоборота повернувшись к нему. На Грэге была та же одежда, что и вчера вечером, но выглядел он отвратительно отдохнувшим. Не в пример мне и своей изрядно измятой рубашке. Станный тонкий аромат не то цветущих лалий, не то какой-то курительной смеси заставил меня чихнуть.

– Простудилась? – заботливо заправив мне за ухо выбившуюся из узла прядь, продолжил допытываться муж.

– Нет! – отрезала я, снова чихнув. – Просто кошмар.

– И от этого кошмара у тебя такой нездоровый вид? С чего тебе вообще вздумалось здесь спать?

Похоже, старания Хайды были малоуспешны. Я немного подумала и решила озвучить часть правды. А заодно, пользуясь случаем, и вопрос задать ненавязчиво:

– Всю ночь ворочалась, переживала, размышляла об этом письме, о мороке, обо всем. Думала тебя здесь подождать, чтобы поговорить, и сама не заметила, как уснула. А ты только вернулся?

– Было много дел, – кивнул Грэг и неожиданно обхватил мою голову руками. Горячие пальцы скользнули в волосы и осторожно помассировали кожу.

– Ты что делаешь?

– Я, конечно, не целитель, – сообщил мне очевидное муж, надавив подушечками больших пальцев на виски, – но кое-что могу. Глаза закрой!

Я послушно прикрыла веки. Сперва мне показалось, что голову пронзило раскаленными иглами, но через миг боль ушла, забрав с собой и усталость.

– Ну вот, другое дело, – убирая руки, обрадовал меня Грегори.

– Спасибо! – с искренней благодарностью воскликнула я, чувствуя прилив сил и готовность хоть сейчас пуститься в

пляс. – А теперь мы можем серьезно поговорить об этом письме и...?

– А больше ты ничем заняться не хочешь, забывчивая моя? – усмехнулся супруг, вставая.

– Ты голодный?! Я сейчас скажу Альме...

– Прием, Эльза! Сегодня, а уже пять. Жду тебя при полном параде в холле через час, – он наклонился, слегка коснулся моего лба губами и ушел.

А я так и застыла, прерванная посреди фразы, с одной-единственной мыслью: действительно ли во внутреннем кармане его куртки мелькнуло что-то розовое или мне показалось.

Парк, раскинувшийся вокруг Рассветной, мне всегда нравился, хоть и меньше Латийского Пояса²³, который был скорее похож на лес, чем на плод усилий садовников. Присыпанные фасваром аллеи позади ратуши, абсолютно ровные, везде одной и той же ширины, идеальной спиралью огибали беседку в виде свернувшегося кольцами змея. Мостики с ажурными перилами, соединявшие витки дорожек, были вымощены все тем же светящимся камнем. Мерцали узорами клумбы, благоухали увитые лалиями шпалеры – даже в обычные ночи Рассветный парк был прекрасен. А уж в ночь приема Кручара, когда над ним кружили, выстраиваясь в сложные конструкции, магические огоньки и то и дело вспы-

²³ лесопарк по периметру города

живали фейерверки, – просто великолепен. Особенно если смотреть на него с башни.

Большинство гостей уже давно, сразу после официальной части, спустились вниз – поближе к напиткам и закускам, которыми были уставлены столы в беседке, а я все еще наслаждалась открывавшимся видом, не спеша снова вливаться в общество. Тем более без Грэга, который уже полчаса разговаривал о чем-то с Мистом. С главой Круга у меня, по счастью, были довольно неплохие отношения. Пару лет назад он тоже был жертвой моего внимания, но поскольку по-настоящему любил свою абсолютно неревнивую жену, отнесся к моей кратковременной влюбленности с юмором. И даже до сих пор хранил написанное мной корявенькое стихотворение в его честь. Одно время я мечтала подружиться с его супругой, но Лила была настолько сконцентрирована на муже, что затею пришлось оставить. Иногда эта одержимость казалась мне странной, но, быть может, в этом заключался ее дар?

Внизу, чуть левее беседки, занимали места музыканты, а значит, вот-вот должны были начаться танцы. Я недовольно покосилась на Брэмвейла, заметила присоединившегося к беседе лэйдара Саммермэта, дядю Джойса, и тяжело вздохнула – похоже, обсуждение «важных дел» грозило затянуться. Минуту спустя, впрочем, мне стало не до вздохов. Увидев направлявшегося ко мне Джойса, я, наплевав на просьбу мужа дать ему пообщаться, рванула к Грэгу и вцепилась в

его локоть с широкой неискренней улыбкой на лице.

– Волшебной ночи, Мисталь, лэйдар Джалис! Вы не возражаете, если я похищу у вас своего супруга?

– Волшебной, Эльза! Еще пара минут, – куда натуральнее, чем я, улыбнулся Мист.

– Вы как всегда очаровательны, лэй Брэмвейл! – холодно поприветствовал меня Саммермэт. – Безусловно мы отпустим вашего мужа. Всего пара вопросов, и он сможет полностью посвятить себя вам.

– Добрых звезд, – вклинился в обмен любезностями Джойс. – Лэйд Грэгори, я могу сопроводить вашу прекрасную супругу вниз, пока вы заняты беседой с главой и дядей.

Я впиалась в руку Грэга, посылая молчаливый сигнал не отпускать меня с этим типом, в чьих глазах горело фанатичное обожание. На этой стадии навеянного моим даром чувства поклонники были порой просто опасны, и племянник лэйдара явно относился к числу таковых.

– Боюсь, что этой ночью Эль слишком прекрасна, чтобы я рискнул выпустить ее из поля зрения, – внял моей немой мольбе муж и, демонстративно прикоснувшись губами к моему виску, продолжил: – кроме того, мы почти закончили обсуждение.

Красивое, хоть и несколько слащавое лицо Джойса от этой мимолетной ласки заметно перекосило. Я внутренне сжалась, ожидая безобразного скандала, но подошедшая к нам пара слегка разрядила обстановку. Чтобы вновь ее обост-

ритель...

Первым, на что я обратила внимание, было платье. Шелковое платье, едва прикрывавшее колени незнакомой девицы. Отвратительное платье! Нет, оно было довольно красивым и неплохо сидело на девушке, но все его достоинства перекрывались одним существенным недостатком – ткань была идентична материалу моего наряда. Из-за того, что я проспала и не успела в мастерскую за заказанным для вечера костюмом, пришлось облачаться в то единственное, что еще не надевала, – результат первого и последнего совместного с мужем похода за покупками. А неношеным это шикарное платье, с затканым серебром лифом, было потому, что я с некоторых пор терпеть не могла синий – любимый цвет Грегори. Наглядным свидетельством любви мужа к этому оттенку являлись брачные эсты на моих руках – витиеватые узоры, треугольником оплетавшие кисти от запястий до первых фаланг средних пальцев, придавали откровенной синюшности моей белой коже.

Это уродство послужило поводом для единственной семейной ссоры. Я требовала, чтобы Грег изменил метки на золотистые, о которых мы договаривались изначально, а он смеялся и твердил, что подбирал под цвет глаз. Со временем я привыкла, но синего избегала принципиально, даже подаренный шип перекрасила. А тут...

От глубокого выреза чужого платья, отделанного, к счастью, не серебром, как у меня, а золотом, я перевела взгляд

выше. Пышные волосы, такие же черные, как мои, только выющиеся, обрамляли хорошенькую мордашку с неестественно-синими, явно искусственно подкрашенными глазами. Брови и ресницы незнакомки были мастерски подведены, но мне как женщине было прекрасно видно, что натуральные для нее тона принадлежали скорее блондинке, чем брюнетке. Девушка в упор таращилась на Грэгори, изогнув кукольный ротик в полуулыбке. Возникшие в моей голове неприятные мысли нашли свое подтверждение, как только я посмотрела на спутника девушки. Это был Коллейн.

– Риادا, детка, как ты повзрослела, похорошела, – засюсюкал лэйдар.

Я мысленно скривилась, не забыв нацепить на лицо приличествующую случаю улыбку. Девушка молча хлопала ресницами и да, действительно краснела. Вот только робкими бросаемые на моего мужа взгляды я назвать не могла. Наверное, если бы Грэгори повел себя слишком дружелюбно или поцеловал протянутую ему руку, я бы не удержалась и сказала какую-нибудь гадость, но, к счастью, он ограничился пожатием костлявых пальчиков и вежливым приветствием. Коллейн на правах старшего родственника представил мне свою сестрицу, и та тут же зашебетала о том, что никак не предполагала, что у милого Грэга такая супруга. Какая именно, я уточнять не стала. Брэмвейл поспешно раскланялся, пообещав продолжить беседу позже, и предусмотрительно утащил меня в стеклянную кабинку подъемника.

Уже за закрытыми прозрачными дверцами я оглянулась – на лицах смотревших нам вслед Джойса и Риады застыло абсолютно одинаковое тоскливо-голодное выражение. Я невольно вздрогнула и прижалась спиной к мужу. Заскрипели канаты, кабинка качнулась и плавно поехала вниз, а Грегори вдруг странно затрясся. Я повернулась и сердито стукнула кулаком по плечу беззвучно смеявшегося мужа.

– Прекрати!

– Не могу! Ты бы видела себя со стороны, Эльза. Я уж думал, покусаясь, – дождавшись, пока наши головы окажутся ниже уровня смотровой площадки, расхохотался супруг.

– Вот еще, – возмутилась подобным предположением я и, помедлив, добавила: – Максимум – облила бы чем-нибудь.

– Ну прости девочку, не могла же она знать, в чем ты приедешь. От совпадений никто не застрахован.

Я молча уставилась на приближавшийся парк и думала, действительно ли похожие платья – единственное, на что Брэмвейл обратил внимание?

На приемах Кручара прелесть супружеской жизни ощущалась особо остро – лишь наличие официальной пары давало возможность потанцевать. Женщин на таких собраниях всегда было значительно больше, чем мужчин. Маги, безусловно, имели право приводить с собой любое количество гостей, вот только мужчин брали с собой редко. Зато дочерей, сестер, кузин и племянниц тащили сюда всех, незави-

симо от возраста и внешних данных оных. Каждый надеялся пристроить свою родственницу в руки чародея, что гарантировало достаток и привилегии. Потому и подпирали пришедшие без кавалера девицы за неимением стен шпалеры с лалиями и деревья и с угрюмой обреченностью взирали на выделенную для танцев площадку.

Покружившись в объятиях Грэгори под пару мелодий, я была вынуждена присоединиться к их унылым рядам. Муж вручил мне бокал граджа и, попросив быть хорошей девочкой, улизнул, чтобы «договорить с Мисталем». Наблюдать за танцующими парами было не слишком интересно, и я решила побродить по парку. На третьем витке аллеи, где другие гости попадались уже не так часто, дорогу мне заступила высокая фигура. Я подняла взгляд и счастливо улыбнулась при виде пепельно-русой шевелюры и зеленых глаз возникшего на моем пути мужчины.

– Алвин! – позволив себе излишнюю фамильярность, воскликнула я, протягивая ему руку.

– Эльза! – так же не утруждая себя следованием правилам этикета, ответил Виттэрхольт и прижался губами к внутренней стороне моего запястья. Я вздрогнула и, кажется, покраснела. Проявленное магом внимание было безмерно приятным, тем более что попасть под воздействие моего дара он еще не мог, поскольку я заинтересовалась им всего четыре дня назад, а симптомы навязанной влюбленности обычно появлялись не раньше, чем через неделю. Неужели я ему по-

настоящему понравилась?

Само по себе это было не слишком удивительным, но не случилось уже довольно давно – большинство мужчин, попадавших в поле моего зрения, если и не знали в лицо, то слышали обо мне наверняка. А общеизвестное мнение, что лэй Эльза Брэмвейл дин Варейс опасна для здравости рассудка, привлекательности моей персоне не добавляло. Конечно, находились и такие, что мнили себя неотразимыми и были уверены, что уж их-то не забудут через несколько дней. Но на самоуверенных идиотов я сама, как правило, не реагировала.

Словно опровергая мои размышления, над невысокой шпалерой мелькнула светловолосая макушка Джойса, которому определение «самоуверенный идиот» неимоверно подходило. Я бесцеремонно подхватила Алвина под руку и предложила прогуляться.

Мы остановились на мостике, соединявшем небольшую беседку с последним витком спирали. Здесь не роились магические огоньки, не прохаживались туда-сюда парочки. Рассветная башня с ее мерным розовым свечением осталась по ту сторону парка, а музыка долетала лишь еле слышным шепотом, вторящим шелесту листьев. Увлеченная беседой, я и не заметила, когда мы успели так далеко зайти. И не только в смысле расстояния.

Я сидела на каменных перилах, молча внимала комплиментам и признаниям Виттэрхольта, перебиравшего мои пальцы, и пыталась понять, почему чувствую себя так уют-

но наедине с мужчиной, который казался мне идеальным четыре дня назад. Всего четыре дня назад! Может, моя болезненная влюбчивость прогрессирует, и через пару лет я буду увлекаться кем-то каждые полчаса? А потом – каждые пять минут, и закончу тем, что разорвусь на тысячи крохотных Эльз, одарив нежными чувствами разом весь город? А не разорвусь сама, так растерзают внезапно воспылавшие взаимностью.

В голове назойливо звучал тетин голос: «Не пора ли тебе, дорогая моя, к мозгоправу?». И хотя к редким магам, специализировавшимся в этой области, обращались лишь в самом крайнем случае, ибо каждый третий пациент не выдерживал вмешательства и просто сходил с ума, необходимость такого визита становилась все более очевидной.

– И потому... – ворвался в мои размышления взволнованный голос: – Милая Эльза, вы будете моей?

Придя к выводу, что действительно надо обратиться к мозгоправу, я машинально кивнула собственным мыслям. Алвин просиял и, воскликнув:

– Как я счастлив! – притиснул меня к своей груди.

– Что? – пискнула я, приходя в себя. – Вин, я не то...

Закончить фразу он не дал, банально закрыв мне рот.

Целовался Виттэрхольт умело – и страстно, и нежно одновременно. Его горячие ладони скользили по моей спине, прижимая все ближе, заставляя расслабиться и забыть о сомнениях. Я подняла руку и погрузила пальцы в пепельно-ру-

сье пряди волос, лаская затылок Алвина. Мелькнувший в поле зрения синий рукав вдруг вызвал воспоминание о де-вушке в синем платье, так похожем на мое. А что если она сейчас точно так же висит на шее Грэгори, обсудив с ним успех плана по устранению путающейся под ногами супруги?

Я с неожиданной силой оттолкнула Алвина, чуть не упав при этом, спрыгнула с перил, прошептала:

– Прости, но не сейчас, – чмокнула его в подбородок и бросилась прочь, уговаривая себя не оглядываться. Но перед тем как свернуть и окончательно скрыться из виду, все же обернулась. Алвин смотрел мне вслед со странным выражением лица. То ли растерянным, то ли разочарованным, то ли... злым? Со стороны беседки в его сторону качнулась какая-то тень, но мелькнувшую мысль, что у нашего разговора был свидетель, я тут же отринула – каким бы слабым магом ни был Виттэрхолт, присутствие третьего он бы все равно ощутил.

Дорога гурановой полосой стелилась под воздушную подушку крупного остроносого шипа. Никогда не спрашивала у мужа, есть ли прозвища у его каменных коней, но сама это черное чудовище звала исключительно Монстром. За внушительные размеры, за острые зазубрины на покатых боках, за кроваво-красное нутро, за видимую мощь и за скорость, которую он развивал.

За стеклом купола ревел ветер, деревья сливались в од-

но бесконечное мутно-серое пятно, а над кронами сверкали ломанные стрелы молний. Большинство проживавших за чертой Латии предпочли остаться на ночь в городе, но мы решили вернуться, несмотря на погодные условия. Маги-воздушники, как обычно, несколько перестарались, обеспечивая безоблачное небо над Рассветным парком, и теперь природа бесновалась, отыгрываясь за вмешательство в свои дела.

Я молча, вцепившись в спинку кресла Грэгори, поверх его плеча смотрела вперед. В его способности мастерски управлять шипом я несколько не сомневалась – я ей завидовала. Именно во время таких вот не слишком частых ночных путешествий с мужем я сожалела, что не стала чародейкой. В нашем городе их не было, но зато в соседней Ливе жили целых две. И уж они-то, обладая способностью перестраивать зрение и повышенной скоростью реакции, наверняка могли себе позволить владеть такими же стремительными каменными конями и носиться по дорогам, как одержимые. Мы же с Малышом передвигались куда медленнее и осторожнее, и порой мне было очень обидно, когда над нами, обгоняя, взмывал очередной монстр.

Но в ту ночь мне было не до упоения скоростью. В голове медленно, но основательно выстраивался план. И первым пунктом в нем значилось: выяснить, могу ли я по-прежнему доверять Брэмвейлу. Мужчине, которого я, убежав от Алвина, обнаружила на празднике далеко не сразу, а когда нашла,

на его локте покоились костлявые пальчики крашеной брюнетки в синем платье. И что делать, если не могу?

Глава 3

*За хорошим мужем глаз да глаз нужен,
А дурного и с доплатой отдать не грех.
Авторская мудрость*

Бушевавшая всю ночь гроза совершенно не помешала мне выспаться. А может, именно благодаря раскатам грома и вою ветра вместо кошмаров мне привиделся бескрайний бушующий океан. Или же принятое решение, несмотря на всю его воинственность, принесло умиротворение? Как бы там ни было, утро началось для меня довольно рано и было таким же солнечным, как погода за окном. Почти... Легкие облачка сомнений все же надвигались понемногу и требовали немедленных действий.

От традиционного подноса, как обычно принесенного Хайдой, едва я успела открыть глаза, я отказалась и, накинув халат, спустилась в столовую. Муж встретил меня изумленно приподнятой бровью. Кажется, за год супружеской жизни это была всего лишь третья наша встреча за завтраком. И на первые две я являлась куда приличнее одетой.

– Светлого утра! – скользнув на свое место, поздоровалась я.

– Не ожидал увидеть тебя так рано, непредсказуемая

моя, – улыбнулся в ответ Грэг и, подхватив тяжелый чайник, наполнил мою чашку еще не остывшим отваром.

Кайра, последовавшая за мной, с недовольным лицом принялась сгружать на стол содержимое подноса. Последним она демонстративно водрузила прямо передо мной пухлый конверт и, тихонько буркнув: «Дурища!» – вышла. Я уставилась на послание, как на раздавленное насекомое в компоте, и, взяв десертную вилочку, аккуратно подвинула его в сторону мужа.

– Открой!

– А вдруг там что-то очень-очень личное? – протянув руку, съязвил супруг. С его ладони, зависшей над конвертом, дождем полетели крохотные искорки. – Вроде ничего опасного, – констатировал он, переместив письмо ближе ко мне.

– Вроде? – снова воспользовавшись вилкой не по назначению, уточнила я.

– Проверка почты не моя специализация, – пожал плечами Грэг. – Секретарь лэйдара сказал бы тебе точнее.

– Тогда открывай сам!

– Уверена?

– У меня нет от тебя секретов! – отрезала я.

– Как скажешь, дорогая.

Подцепленная столовым ножом розовая пломба в виде сердечка отлетела в сторону. Белые крылья конверта развернулись, словно лепестки. В воздух взлетела стайка махоньких птичек с цветущими веточками в крохотных клювиках.

Последними выпорхнули две малиновые пичужки и растянули перед Грэгори голубую ленточку. С моей стороны просто голубую.

– «Сокровище мое, я до зари перебирал в памяти те драгоценные мгновения, что ты мне подарила: твой чарующий голос, вкус твоих губ, трепет твоего тела... Уповаю на новую встречу. С нетерпением жду весточки. Бесконечно влюбленный, А.», – озвучил невидимую мне надпись муж. – Так-таки и нет секретов? – в голосе супруга мне вдруг послышались какие-то незнакомые интонации. – Я что-то пропустил, скрытная моя?

Я почувствовала, как к щекам приливает краска, и поспешила прикрыться чашкой с отваром.

– Не знала, что у Алвина такое буйное воображение.

– Ах да, «милый мальчик»! – процитировал мою характеристику Грэг, взмахом кисти развеивая иллюзию. – Кажется, я его вчера так и не увидел.

– Он подходил, пока ты был занят разговором с Мистом.

– Как некстати. А мне было так любопытно познакомиться с магом, подходящим под определение «милый».

– Действительно жаль! Так хотела вас познакомить. – Я неискренне согласилась и поспешила перевести тему: – Я так рано встала, надеясь застать тебя перед уходом, дорогой. Ты же сейчас поедешь в город? – задала я вопрос и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Завезешь меня по пути к тете? Мне нужно с ней кое-что обсудить.

Брэмвейл еле уловимо поморщился, но кивнул. Неприязнь, которую он испытывал ко всему семейству Чарди, новостью для меня не являлась. Более того – мои родственники отвечали ему пылкой взаимностью. Нелюбовь тетки и ее сыновей к «наглому хлыщу», который увел у них из-под носа целое состояние, пусть и прихватив в нагрузку бестолковый позор семейства, была понятна. А вот реакция Грэгори, порой очень похожая на тщательно скрываемую злобу, ставила меня в тупик.

– Через час тебя устроит? – промокнув рот салфеткой, уточнил муж.

– Конечно!

– Тогда буду ждать тебя в кабинете, – поднявшись, сообщил Грэг. По пути к двери он небрежно чмокнул меня в висок и уже на пороге, словно вдруг вспомнив, спросил: – Кстати, милая, ты не нашла ключик?

Я застыла, не донеся до рта намазанную джемом булочку, и уже почти привычно соврала:

– Нет, милый, не нашла. А что?

– Если найдешь, ни в коем случае не прикасайся! – нахмурившись, порекомендовал супруг. – Обязательно позови меня!

– А если тебя не будет дома?

– Дождись непременно! А лучше... – Грэгори немного помедлил и, шагнув обратно в столовую, положил передо мной невзрачный каменный кругляшок: – Вот! Если что-то слу-

чится, немедленно воспользуйся.

– Фонит? – удивилась я. – Откуда?

Артефакты связи были вещью дорогой и, в общем-то, запрещенной для бытового применения. Правом использования, да и самими камнями владели только охотники, чтобы в случае крайней необходимости вовремя послать сигнал о помощи. Ведь фониты, выплавляемые из редкого минерала, позволяли мысленно дотянуться до кого-то только один раз, после чего превращались в мертвый кусок камня.

– Это мой.

– А как же...

– Возьму запасной на работе, – с этими словами муж скрылся за дверью, оставив меня задумчиво изучать вопиющее нарушение правил, скромно лежавшее возле тарелки.

На третьем этаже Чарди-мола у меня по-прежнему была своя комната. Она-то и являлась истинной целью моего визита. Тетя Марвейн весьма удачно оказалась занята приемом какого-то важного гостя, а потому я, не тратя времени на пустую беседу, сразу поднялась к себе. Небольшая спальня с одним окном и крохотной ванной не менялась еще с тех пор, как я ночевала в ней, когда приезжала сюда с родителями. Светлые стены, простые шторы, узкая кровать, трехстворчатый шкаф, несколько подушек на низком широком подоконнике, раскрытая на середине книга и... толстый слой пыли.

Уборкой здесь явно пренебрегали. Оно и понятно – своего

мага для подзарядки чистящих механизмов в доме не было, нанимать чародея для прижимистой тети было слишком дорого, а прислуга не спешила наводить порядок в никому не нужной комнате. Я открыла шкаф и вытащила с верхней полки, из-за стопки старых свитеров уродливую колючую конструкцию. Сдув пыль с подоконника, положила на него каменного «ежика», села рядом и принялась перебирать пальцами острые иглы в поисках той единственной, что позволяла извлечь содержимое уродца.

Плодом моих вчерашних размышлений было решение, во-первых, обязательно показать какому-нибудь магу прячущийся в недрах сумки ключик, а во-вторых, проследить за мужем. И для того, и для другого нужны были деньги. И вот тут-то начинались проблемы – у унаследовавшей от отца целое состояние Эльзы Варейс, ныне супруги так же весьма небедного лэйда Брэмвейла, денег не было.

Вернее, они были. В банке. Самом надежном, принадлежавшем лично Повелителю нашего шахада. И пользоваться я ими могла свободно, всего лишь приложив кольцо к печати на счете. Вот только все денежные операции фиксировались, и в конце месяца домой присылался длиннющий перечень – кому, когда и сколько. И в моем случае попадал этот список прямым ходом на стол к мужу. А мне вовсе не хотелось привлекать его внимание к таким сомнительным тратам, как услуги мага и найм шипа.

Через полчаса безрезультатного верчения в руках «ежи-

ка», когда я уже почти уверилась, что бесповоротно забыла, как его открывать, указательный палец, наконец, прострелило острой болью. Та самая игла, коротенькая, притаившаяся между тремя длинными соседками, все-таки получила положенную для опознания порцию крови. Такие хищные шкапулки для ценностей были в моде лет тридцать назад и со временем уступили место более красивым усовершенствованным версиям. Вот только я свою колючку, принадлежавшую когда-то маме, ни за что бы не променяла на самый красивый ларчик.

Да и надежность новых вариаций казалась мне сомнительной. Если бы мой тайник открывался на голос хозяйки, тетя с ее даром давно бы была в курсе содержимого. А вот про способность подделывать кровь я еще ни разу не слышала.

«Ежик», впитав алую каплю, медленно втянул колючки, превращаясь в гладкий матовый шар с полосой посередине. Я аккуратно «разломила» его пополам и вытряхнула на колени свои незатейливые сокровища – сломанную брошку в виде паука, обнимающего зеленый камень, миниатюру с семейным портретом, шпильки с позолоченными бутончиками, засушенный цветок, длинные стеклянные бусы и пачку купюр.

Отец верил, что детей нужно учить обращаться с деньгами, и регулярно выдавал мне несколько бумажек на карманные расходы. Но поскольку меня и так баловали, тратить было особо не на что. Тетка, конечно, подобной щедростью не

отличалась, но на все праздники, не утруждая себя поисками подарка, отделялась парочкой купюр.

Я пересчитала свой капитал – сумма оказалась небольшой, но на консультацию мага средней руки и несколько дней пользования наемным транспортом должно было хватить. Деньги и паучка, которого решила попробовать починить, я переложила в сумку, остальные «драгоценности» стряхнула обратно в шкатулку. Вновь обросшего иголками «ежика» завернула в один из свитеров и сунула под мышку, рассудив, что надежный тайник мне и дома понадобится, и отправилась вниз в надежде быстренько распрощаться с хозяйкой дома и приступить к осуществлению плана.

Ольда – тетина кайра – дремала в кресле под лестницей. Докладывать обо мне было некому, спросить, освободилась ли лэй Чарди, тоже было не у кого, и я направилась к гостиной, чтобы самостоятельно определить, готова ли родственница принять единственную племянницу. Дверь приоткрылась без скрипа и, услышав чужой голос, я хотела так же осторожно ее закрыть, но разговор невольно привлек мое внимание.

– Неужели ничего нельзя сделать? – взволнованно вопрошала тетка.

– Мара, я тебя сразу предупреждал о последствиях, – увещевал незнакомец.

– Ты говорил, что в худшем случае она сойдет с ума! – ка-

признаю напомнила собеседнику тетя. – Меня бы и это устроило.

– В худшем, – терпеливо подтвердил мужчина. – К счастью, этого не случилось. Пойми, Марвейн, психика подростков очень нестабильна, а девочке сколько было? Чуть больше десяти?

– Двенадцать.

– Шанс, что внушение сработает точно как надо, был один из ста.

– Но ты же согласился, Эрвил! – воскликнула тетя.

– Я был должен тебе услугу, дорогая, а ты совершенно не желала ничего слышать.

– И что же делать?

– Ничего. Еще одно вмешательство точно приведет к сумасшествию. И я этим заниматься не буду даже для тебя. Честно говоря, я не понимаю, почему спустя столько лет тебя все еще волнует этот вопрос.

– Я боюсь, Вил! – неожиданно призналась тетя.

– Чего?

– Он порой так смотрит на меня, словно все знает.

– Кто «он»?

– Ее муж!

– Девочка вышла замуж? – изумился тетин собеседник и, явно удерживая улыбку, добавил: – Вот уж не ожидал. И кто же рискнул?

– Брэмвейл! – зло произнесла, словно выплюнула тетка.

– Кто?

– Грэгори Брэмвейл. Знаешь его?

– Не лезь в это, Мара! – вмиг посерьезнев, отрезал названный Эрвиллом. – Просто забудь! И молись Змею, чтобы у этого твоего родственника никогда не возникло вопросов.

Из комнаты донесся противный звук – так скрипели старые кресла, что стояли у камина. Я очень осторожно прикрыла дверь и бросилась вверх по лестнице. Покинув гостиную, хозяйка дома и ее гость застали меня спускающейся со второго этажа. Я старательно заулыбалась, подойдя к парочке, привычно чмокнула тетку в напудренную щечку и вопросительно уставилась на незнакомца. Впрочем, незнакомцем-то он и не был. Этого импозантного, еще не старого, но уже сплошь седого мужчину я знала.

– Познакомься с лэйдом Ланкертом, милочка, – прошептала тетка. – Эрвил, это моя любимая племянница, Эльза.

– Ой, а я вас помню, – воскликнула я. Гость вздрогнул, но вежливую улыбку на лице удержал. – Вы тот маг, которого тетушка приглашала для консультаций, когда мне было пятнадцать.

– У вас прекрасная память, моя дорогая! И не только память – приятно видеть, какая красавица выросла из той грустной малышки, – галантно отозвался мужчина и распрощался.

Почти сразу вслед за ним ушла и я, отказавшись от приглашения на обед, чему разнервничавшаяся тетка была явно

рада. Чарди-мол я покидала как никогда поспешно. Шестеренки в голове усиленно работали, прокручивая услышанный обрывок разговора. А еще я вдруг вспомнила, как часто после переезда в этот дом, где Марвейн заботливо сидела ночами у кровати осиротевшей племянницы, мне снилась мама. И как она нашептывала мне, что главное в жизни – найти своего единственного, чтобы никогда больше не быть одинокой. А по утрам у меня часто болела голова и не было никаких сил выслушивать тетины восхваления в адрес собственных сыночков.

Первым делом я приобрела простенькую объемную сумку, куда запихнула и сумочку, и колючую шкатулку. А еще купила широкополую шляпу и билет на стрелу до Тонии. В этом городе я никогда не была, но знала, что он ближе всего к Латии. В случае удачи я вполне могла успеть слетать туда и обратно и попасть домой к ужину. Очень позднему ужину.

В стреларии я была впервые в жизни, но билетную кассу нашла без труда. Честно говоря, такая грамотная система подсвеченных указателей очень бы пригодилась в Латийском Поясе, где постоянно кто-то терялся. Так же без особых усилий обнаружив нужную стрелу, я предъявила билет, забралась внутрь, заняла свое место в правом ряду сразу за отсек стрелера и осторожно огляделась. От обычного шипа это транспортное средство отличалось прежде всего габаритами и формой. Стрела была такой же остроносой, с таким

же прозрачным куполом сверху, но не треугольной, а длинной. Я насчитала по десять мест в каждом из двух рядов, но лишь половина из них была занята.

Головной убор, честно говоря, слишком уж объемный для меня, оказался чрезвычайно удобным. Тень от полей удачно скрывала большую часть лица и позволяла не особо заметно для окружающих глазеть по сторонам. Я и без того привлекала чересчур много внимания. Среди представителей первого и второго кругов я в своем недешевом брючном костюме и изящных туфельках смотрелась инородно. Неуместно. Шляпа и кружевные перчатки, прикрывающие эсты, лишь ухудшали ситуацию. Сделав мысленную пометку непременно купить что-нибудь менее приметное, я прикрыла вызывающе дорогие туфли сумкой и откинулась на спинку жесткого кресла.

Стрела дрогнула, загудела и поднялась в воздух. Я невольно поморщилась и пожалела об оставленном дома Малыше. Механизм шипов был куда более тихим. Впрочем, неудобство было недолгим – как только мы оказались за чертой города на гурановой дороге, противный гул умолк и стрела понеслась к своей цели. А я, решив не тратить время на созерцание мелькающих за стеклом пейзажей, пониже опустила поля шляпы и попыталась обдумать подслушанный в Чарди-моле разговор.

Речь, несомненно, шла обо мне. И ребенок бы догадался, даже если бы не было произнесено имя супруга. Обо мне и о

некоем магическом воздействии на психику, которое оказало не тот эффект, что был запланирован. Больше всего задело не то, что когда-то родная тетка применила опасные чары, а ее слова, что и сумасшествие ее бы устроило. Это было больно. Я всегда знала, что тетка меня недолюбливает, но даже не подозревала, насколько.

Впрочем, если отбросить эмоции, Марвейн можно было понять – в случае душевной болезни опека над умалишенным и, естественно, его собственностью, переходила к ближайшим родственникам. Лэй Чарди, в девичестве Варейс, так и не смогла смириться с тем, что мой отец стал единственным владельцем родительского дома и состояния.

Дедушка не только вычеркнул дочь из списка наследников после того, как она сбежала со своим будущим мужем, но и перестал с ней общаться, не желая иметь ничего общего с взбалмошной девчонкой, отказавшей нескольким выбранным им магам ради какого-то смазливового юнца. Папа хоть и не одобрял дядю Лэнри, но с сестрой отношения поддерживал. Возможно, предчувствовал, что и сам пойдет против семьи, встретив маму, в чьем обедневшем роду уже четыре поколения не было ни одного чародея. Дед бушевал, как ураган, но отвергнуть единственного наследника не рискнул. Может, именно тогда в сердце тети зародилась ненависть? Ведь ее брату простили то, чего не простили ей.

Как бы то ни было, оправдать поступок Марвейн по отношению к несчастной зареванной девочке, потерявшей в од-

ночасье обоих родителей, никак не получалось. Тем более, насколько я теперь понимала, ненормальная влюбчивость, отравлявшая мою жизнь, была следствием именно тех чар.

Шестеренки в голове с тоскливым скрипом провернулись, подкидывая в очаг размышлений еще одно воспоминание. После того, как приняла предложение Брэмвейла, я всерьез опасалась, что тетка не даст разрешения на брак. Поскольку я уже достигла второго совершеннолетия²⁴, это означало только то, что придется подать заявку лэйдару и выждать положенные на раздумья три месяца. Но лэй Чарди неожиданно согласилась – после того, как побеседовала с будущим родственником за закрытыми дверями библиотеки – и мы смогли пожениться через неделю.

Шантаж? Или я вдруг стала чрезмерно подозрительной?

Возможно, еще неделю назад подслушанный разговор стал бы для меня настоящим потрясением, теперь же, на фоне вероятного предательства со стороны единственного друга, вероломство тети оказалось куда менее болезненным, чем могло бы быть. Но две вещи я знала точно. Во-первых, через месяц, когда после третьего совершеннолетия я смогу полностью распоряжаться своим имуществом, я не отдам се-

²⁴ Совершеннолетие в шахадах достигается в три этапа: в восемнадцать уже можно вступать в брак, но только с согласия родителей или опекунов; в двадцать один разрешение на брак не требуется, если его нет, то просто назначается испытательный срок, тогда же получают право свободно распоряжаться процентами с капитала, если он есть; а в двадцать пять человек становится абсолютно самостоятельным

мейству Чарди половину наследства, как планировала. А во вторых, как только разберусь с более насущными делами, Марвейн придется ответить на несколько вопросов.

Тония встретила духотой и палящим солнцем. Я знала, что здесь расположены экзотические сады Повелителя и поддерживается специальный климат, но такой разницы с прохладной Латией не ожидала. Пришлось снять жакет, расстегнуть верхние пуговицы блузки, закатать рукава и еще раз порадоваться широким полям шляпы.

Заблудиться в чужом городе я не боялась – вся цепь поселений, растянувшихся по периметру разлома, была организована по одному и тому же принципу. В сердце располагалась огромная башня, возле нее обязательно находились парк, площадка для шипов, стоянка та-шипов, сувенирная зона с аккуратными рядами торговых шатров и площадь. От этого центрального ядра во все стороны лучами расходились старинные улочки, где предоставлялись любые услуги и можно было найти любой товар. Следующим кольцом шли дома третьего круга, потом второго, затем первого. Замыкали городскую систему лесопарк и разбросанные на значительном расстоянии друг от друга молы чародеев.

Тония не была исключением. Покинув стреларий, я воспользовалась услугами та-шипера и вылезла из пахнущего дешевой курительной смесью салона у Тонийской ратуши, именуемой сокращенно Торатой. Приглянувшаяся мне вы-

веска, простая и не крикливая, со скромной надписью: «Артефакты и мороки» обнаружилась через пару кварталов от башни.

Внутри было светло и пусто, как в кабинете лекаря. В центре красовалась кадка с оплетенной лалиями сферой, в углу намекало на уют продавленное кресло, пол был исцарапан, словно по нему шаеру за хвост тащили, а две одинаковых двери поблескивали облезлыми табличками. Рассудив, что в этом явно знававшем лучшие дни заведении будут рады любому посетителю и не станут задавать лишних вопросов, я решительно постучала по витиеватой букве «М», видимо, обозначающей часть названия «мороки».

– Прошу! – донеслось из-за деревянной преграды. Я потянула створку на себя и вошла. – Милости Змея, – старомодно поприветствовал меня, вставая, совсем еще не старый, лет тридцати пяти на вид, маг с усталым лицом. – Холис Ард, – представился он. Светло-карие, почти желтые, как у Повелителей, глаза смерили меня внимательным взглядом из-под припухших век.

Я ответила не менее пристальным взором, задержавшись на разбросанных по столешнице бумагах, очень похожих на счета, и вежливо отозвалась так, как было принято еще во времена прадедов:

– И жалости Грис!

Чародей поспешно сгреб чуть примятые листы в ящик, опустился в кресло, указал мне на стул, стоявший по другую

сторону стола, и с деланным изумлением протянул:

– Лэй знакома с традициями?

– Лэй кое-что читала, – пояснила я, усаживаясь.

– Что же привело ко мне... – мужчина помедлил и жестом – сперва сжав пальцы в кулак, а потом резко раскрыв его, – выпустил в мою сторону облачко желтого тумана: – супругу чародея?

Эсты вспыхнули, яркими лучами пронизывая кружево перчаток. Впрочем, точно так же они были бы видны и сквозь кожаные, и даже железные – брачные метки магов не только говорили о том, что женщина не свободна, но и, чутко реагируя на направленные чары, предупреждали о неприкосновенности для других чароделов. Неприкосновенность эта, конечно же, была довольно условной, но как-то воздействовать на жен братьев по дару было своего рода табу.

– Небольшой вопрос, который я предпочла бы выяснить без помощи мужа, лэйд Ард, – мило улыбнулась я, вынимая из сумки сверток и подвигая его к хозяину кабинета. Синяя бумага поразительно совпадала оттенком с еще не совсем погасшими эстами.

Маг деловито натянул сафировые перчатки и принялся распаковывать предложенный к рассмотрению предмет.

– И в чем вопрос? – подцепив двумя пальцами алую ленту, поинтересовался маг.

– В том, безопасен ли этот подарок поклонника.

За моей спиной скрипнула дверь, чародей бросил в ее сто-

рону один-единственный взгляд и, извинившись, вышел. Я, хоть и повернула голову почти сразу, увидеть, что так встревожило Холиса, не успела. Алая полоска шелка, оставленная магом на столе, невольно приковывала мое внимание. И вызвала не самые приятные воспоминания о полутрансе после прочтения письма. Чтобы отвлечься, я заглянула в сумку и принялась перебирать содержимое, раскладывая по внутренним кармашкам. Указательный палец ощутимо царапнуло. Я ойкнула и вытащила сломанную брошку. В голову пришла забавная мысль: безделушка таким болезненным способом намекает, что неплохо бы ее починить. Тем более, что за дверью с буквой «А» на табличке, должен скрываться такой же неприятельный, как Ард, артефактор.

Холис вернулся через пару минут и, еще раз извинившись, снова устроился на своем месте. Он подержал над ключиком и лентой сперва одну ладонь, потом другую, затем обе сразу, омывая подозрительный предмет потоками искорок то белого, то желтого цвета.

– След от какого-то морока есть, но слишком слабый, чтобы можно было определить его направленность, – наконец резюмировал чародей. – Теперь это всего лишь безобидный кусочек металла с простой остаточной функцией.

– Какой? – уточнила я, разочарованная расплывчатыми формулировками.

– Что-то настолько примитивное, что никак не могу ообразить. Возьмите его! – Я помотала головой, не испытывая

ни малейшего желания прикоснуться к ключу. – Смелее! Ничего страшного не произойдет. Гарантирую.

Я нерешительно протянула ладонь к кончику ленты, помедлила и хотела убрать руку, но тут шелковая полоска взметнулась вверх и змеей обернулась вокруг моего предплечья. Я заорала от неожиданности и затрясла рукой, пытаюсь избавиться от этой гадости. Но алый «браслет» уже практически слился с кожей, выделяясь лишь цветом и свободным кончиком, на котором, задевая внутреннюю сторону запястья, издевательски покачивался ключик.

– Ну вот! Теперь понятно, – довольно заявил маг. – Простейшее назначение. Обыкновенная «напоминалка» – мэйм²⁵.

– Снимите это с меня! – потребовала я.

– Не могу, – развел руками Холис. – Пока не случится заложенное в мэйм событие или не наступит определенная дата, снять его не сможет даже «автор».

– Вы же гарантировали, что...

– Так ничего страшного и не случилось, – пожал плечами маг. – Если у вас больше нет вопросов...

Я подскочила, швырнула на стол самую мелкую купюру и вылетела из кабинета, как ужаленная, невоспитанно хлопнув дверью.

²⁵ предмет с простейшим заклинанием памяти. Мэймом может быть как подаренный на прощание медальон, так и гвоздь, вбитый в косяк для напоминания о необходимости закрывать дверь

О забытой в «Артефакты и мороки» броши я вспомнила, лишь бодрым злым шагом миновав два квартала. И то только потому, что внимание привлекла витрина ювелира с восхитительным зеленым колье. Я застыла на месте, разрываясь между опасением не удержаться от безобразной сцены, если снова окажусь в одном помещении с этим шарлатаном Холисом, и необходимостью вернуть свою вещь. Брошка вряд ли имела хоть какую-то ценность, иначе бабушка не отдала бы ее, пусть и сломанную, пятилетнему ребенку. Но именно потому, что это был подарок той, которую я, к своему стыду, почти не помнила, я не могла оставить его полоумному магу.

Обратный путь показался мне долгим. Злость, застилавшая глаза, несколько утихла. То и дело попадавшиеся аккуратные вывески солидных по виду чародейских контор вызывали уже скорее раздражение из-за собственной глупости, чем гнев из-за неудачного выбора. Измятые рукава, которые пришлось расправить, чтобы прикрыть вызывающе алый «браслет», неприятно липли к рукам.

От того энтузиазма, что бурлил во мне еще утром, не осталось и следа. Проследить за мужем, самостоятельно выяснить правду о ключе казалось таким... увлекательным. Настоящим приключением, о котором будет приятно вспомнить через несколько лет. Казалось! А оказалось, что каждый предпринятый мною шаг вел к очередной неприятности. Тетка, «украшение» на предплечье, потеря памятной вещицы... Что дальше? Впрочем, узнать, что собой представля-

ет ближайшая родственница, было больно, но полезно. Утешившись этой не слишком веселой мыслью, я повторно вошла в облезлую магическую контору.

За время моего отсутствия, конечно же, ничего не изменилось. Я решительно обогнула кадку с цветами и, не затруднив себя стуком, толкнула обшарпанную дверь.

– ...услугу, – услышала я обрывок чьей-то фразы.

– Всегда рад помочь, – ответил, судя по голосу, Холис. – Тем более, на таких условиях, – хмыкнул он и тут же сорвался на крик: – Что вы себе позволяете? – бросившись мне навстречу, чародей полностью закрыл собой дверной проем. – Как вы смеете врываться в мой кабинет?

Я слегка отступила, опасаясь оглохнуть от воплей, и резко, хоть и негромко, произнесла:

– Я оставила у вас брошь!

– Там! – ткнул в сторону второго кабинета этот хам и шагнул назад. Я успела заметить лишь чей-то темный силуэт перед тем, как дверь захлопнулась прямо перед моим носом, а в замке со скрежетом провернулся ключ.

По табличке с буквой «А» я все-таки постучала. Но ответа не дождалась. Подождала минуту, постучала еще раз. Подумав, стянула с рук перчатки, чтобы незнакомый пока артефактор, если он такой же ненормальный, как его компаньон, сразу увидел, с кем имеет дело, и толкнула створку.

С порога на меня пахнуло нестерпимой вонью. Я помахала перед глазами перчатками, разгоняя желтоватый дым, и

прижала их к носу.

– Есть здесь кто? – Голос прозвучал глухо, словно нежи-
вой. – Э-э-эй?! – Я сделала пару осторожных шагов, и это
оказалось ошибкой – нога тут же угодила в какую-то вязкую
субстанцию. Я дернулась, потеряла равновесие и стала зава-
ливаться назад. Из клубов дыма вынырнуло огромное лупо-
глазое насекомое, протянуло мне щупальце и провыло ба-
сом:

– Тебе чего?

Дальнейшее я запомнила плохо, потому что, падая, уда-
рилась затылком о дверной косяк. В себя пришла уже в даль-
нем углу кабинета, за стеллажом со всякой всячиной, в уют-
ном кресле с чашкой отвара в руке. За остатками дыма по
комнате гонялся, помахивая кожистыми крылышками, ша-
рик воздухоочистителя. Разлитую по полу гадость деловито
собирал другой механизм – точно такой же, как в доме у тет-
ки. А насекомое, после того как стянуло перчатки и сдвину-
ло на макушку похожие на две подзорные трубы очки, ока-
залось симпатичным парнем примерно моих лет.

– Ты на Лиса не обижайся, – совершенно не заботясь о
приличиях, продолжал обращаться ко мне на «ты» артефак-
тор, назвавшийся Морисом. – У него было трудное детство –
родители рано к Змею упорхнули, и пришлось братцу меня
самому воспитывать.

– Да? – уже в который раз произнесла я, чтобы хоть как-
то обозначить свое участие в беседе.

– Правду говорю! А я, сама понимаешь, тот еще подарок. Да где же? – Парень, устав рыться в ящике со всякими безделушками, просто перевернул его, вытряхнув все содержимое на стол. На самом верху образовавшейся горки вспыхнул зеленым огоньком мой паучок с камнем. – Вот оно! – обрадовался Морис, подхватывая двумя пальцами брошку. В его покрытой шрамами и ожогами руке украшение смотрелось каким-то хрупким и беззащитным. – Да-а-а, занятная вещица, – протянул он. – Давненько мне старушка Грис не попадалась. Все змеи да чешуя.

– Почему Грис? – удивилась я. – Лапок-то только восемь.

– Это потому, что сломано – остальных не видно.

– Починить сможешь?

– Я-то могу, но ты уверена, что тебе это надо?

– Конечно! Это память. Буду носить.

– А с виду и не скажешь, что ты из этих... – прищурившись, смерил меня взглядом парень.

– Из каких этих? – подозрительно переспросила я.

– Любителей боли, – охотно пояснил он. – Судя по тому, как вытягивается твое лицо, – не из них. Тебя как звать?

– Э... Элис Виттэрхольт! – соврала я, зачем-то используя фамилию Алвина.

– Так вот, Элис, эта прелесть, – парень погладил подушечкой пальца паучка, – пристегивается к телу.

– Как это?

– Очень просто. Берешь и втыкаешь, скажем, под ключи-

цей.

– Зачем?

– Затем, что камень питается кровью – вернее, питался, пока иглу не сломали, и подпитывал все остальное.

Я поежилась и с сомнением посмотрела на кровожадное украшение, сомневаясь, что так уж стоит его чинить.

– А что оно делало? Для чего кровь?

– Понятия не имею, – отмахнулся Морис. – Все равно целостность нарушена, и работать, как раньше, оно уже не будет. А хочешь, я тебе из него пустышку сделаю?

– Пустышку? – бестолково повторила я.

– Резервуар для магии. Будешь носить к чародеям для подзарядки время от времени.

– А это долго?

Идея показалась заманчивой, но рисковать своевременным возвращением домой не хотелось.

– Полчаса, не больше! – обрадовал собеседник.

– Хочу! – решила я. – В виде подвески сделать можешь? – сама не заметив, тоже перешла на «ты» я.

– Запросто.

– А зарядишь... Морис?

Пауза перед обращением по имени вышла не намеренно. Младший Ард хоть и внушал доверие своим дружелюбием и какой-то бесшабашностью, был все же совершенно чужим человеком.

– Просто Мори, – поправил меня парень. – Лис зарядит,

я не маг.

– А как же ты с артефактами работаешь?

– Дар у меня такой, – улыбнулся он, натягивая перчатки. Смахнул обратно в ящик вываленные на стол безделушки и принялся доставать какие-то пугающего вида инструменты. – Материалы чувствую.

Три чашки отвара спустя я покидала контору под вывеской «Артефакты и мороки» в куда лучшем настроении, чем в первый раз. Денег за работу Морис с меня не взял, уверяя, что должен как-то компенсировать неблагоприятные впечатления от общения с его братом и испуг от знакомства с ним самим. Но я все равно их оставила – подсунула несколько купюр под дверь с буквой «М», уходя. Судя по обстановке и обмолвкам артефактора они лэйдам Ард были очень нужны.

В расстегнутом вороте блузки на новенькой цепочке красовался изящный кулон. Зеленый камень теперь обвивали не только восемь металлических лапок, но и еще девяносто две – я не считала, но Морис уверял, что их в сумме сто. Эти новые конечности паучка, питающиеся помещенной внутрь подвески магией, мягко светились, оплетая камешек плотной сеткой и приятно холодя кожу. А еще мысли о кулоне и забавном новом знакомом помогали хоть немного отвлечься от покачивающегося под рукавом ключа.

Прошагав два квартала прямо, один направо и свернув в узкий проулок, я оказалась перед массивными воротами.

Хоть Мори, которому я, сама не ожидая, поведала о ближайших планах, и уверял, что арендное бюро вполне солидное, до конца я ему не верила. А потому видом добротного забора и парящих над ним светящихся букв, складывавшихся в слово «ШИПовник», была приятно удивлена. Небольшая калитка в левой створке ворот была слегка приоткрыта. Я осторожно толкнула ее и вошла.

За высоким ограждением, выкрашенным в ярко-желтый, обнаружился просторный двор, сплошь уставленный шипами. Каменные кони разной степени помятости размещались на специальных трехъярусных конструкциях, снабженных сбоку лесенками, а сверху – двускатными крышами из затемненного стекла.

– Крю? Мастер Крю? – Я бродила по лабиринту из этих огромных стеллажей уже минут пять, но так и не встретила никого живого. – Мастер Крю-у-у? – завывать подобно привидению было бы даже забавно, если бы не время. У меня оставалось всего три часа, чтобы вернуться, не вызывая особых вопросов. – Мастер?

– Что-то потеряла, куколка? – с верхнего яруса прямо передо мной прыгнул мужчина в желтом рабочем костюме.

– Или кого-то? – приземлился за моей спиной второй.

– Может быть, меня?

– Или меня?

Работники «ШИПовника» сыпались, словно игрушки из мешка с разорванным дном. Очувтившись в не слишком ши-

роком проходе в окружении шестерых рослых парней, я испугалась, но полученную от артефактора инструкцию все же вспомнила. Отступив на шаг и прижавшись спиной к одному из шипов, я сжала правую руку в кулак, потом выпрямила два пальца и, подняв кисть к плечу, бестолково помахала ими.

– Мне нужен Крю! – вместо нормального голоса получился какой-то полузадушенный писк, но меня услышали.

Из-за спин высоких загорелых молодых мужчин вперед вышел бледный веснушчатый мальчик в съехавшей на затылок кепке, из-под которой во все стороны торчали светлые, почти белые кудряшки.

– Ну, я Крю! Чего надо-то? – бросив хмурый взгляд исподлобья, спросил паренек.

– Мастер Крю? – уточнила я.

– Не похож? – задорно улыбнулся он.

– Не очень, – честно призналась я и тут же, спохватившись, что ненароком могла обидеть, поспешила протянуть выданную Морисом карточку. – Мне вас лэйд Ард рекомендовал.

– Кто? – снова нахмурился Крю.

– Э-э-э... – опасаясь, что младший из братьев-совладельцев «Артефактов и мороков» «пошутил» в духе старшего, я все же попробовала пояснить: – артефактор. Такой симпатичный, болтливый, глаза голубые.

– Мори, что ли? – вздернул белесые брови собеседник.

Я кивнула. – Да какой из него лэйд? – рассмеялся блондин. Шестерка парней вторила ему дружным громовым хохотом. – Так чего надо, кукла?

Я поморщилась от столь вульгарного обращения, но, вероятно, после хама Холиса и обаятельного, хоть и ничуть не более воспитанного, Мориса грубость Крю уже почти не задевала. Порыв развернуться и уйти был мимолетным и мгновенно побежденным необходимостью срочно обзавестись транспортом. Уверенности, что смогу быстро найти другой шипарий, и что в нем мне окажут более любезный прием, не было. А потому я поглубже вдохнула и озвучила свои требования.

За время, проведенное в «ШИПовнике», я твердо усвоила одно – братья бывают не только по крови, но и по разуму. Артефактор и мастер были совершенно не похожи внешне, но стоило закрыть глаза, как уловить разницу становилось довольно сложно. Сперва Крю громогласно усомнился в моей способности управлять чем бы то ни было и заставил демонстрировать навыки на каком-то мешке с булыжниками, а иначе этот выдавший виды обрубок назвать было сложно. А потом протацил меня через лабиринт стеллажей и, ловко вскарабкавшись по лесенке, спустил вниз исцарапанный шип грязно-зеленого цвета. Все мои возражения были отменены как совершенно не существенные мелочи, и я сама не заметила, как оказалась за воротами в компании каменного

корыта – согласно утверждениям блондина: «страшненького внешне, но прекрасного внутри».

Стеклянный купол был зеркальным, что как нельзя лучше соответствовало моим планам, но треснутым, что несколько не радовало. Как и исцарапанные бока, и днище с вмятинами от не слишком бережного приземления, и обмотанная чем-то непонятным рукоять. Но самым обидным, тем, что не могла компенсировать даже невероятно низкая (втрое меньше той, что я планировала потратить) сумма, были целых три амулета безопасности, закрепленные на носу и дверцах.

В полете облезлое зеленое чудовище, получившее от временной владелицы, то есть от меня, прозвище Коша, как ни странно, показало себя с лучшей стороны. За пределы города я выбралась без приключений, лишь немного поплутав на узких улочках последнего жилого кольца. Механизм работал без сбоев и шума. Амулет отвода глаз, похоже, тоже неплохо функционировал. По крайней мере, когда я при обгоне едва не задела днищем купол чьего-то серебристого шипа, никакой реакции не последовало. Ни ругани со стороны солидного мужчины, управлявшего чудом не пострадавшим транспортом, ни вспышки фикса²⁶, закрепленного на столбе буквально в паре шагов от происшествия.

Чем больше увеличивалось расстояние между мной и не слишком гостеприимной Тонией, тем забавнее казались се-

²⁶ фиксирующее око, что-то вроде камеры, реагирующей на нарушения общественного порядка

годняшные приключения. Конечно, прежде мне не приходилось сталкиваться с такими людьми и ситуациями, но я ведь и границ своего круга общения никогда не покидала. Новые впечатления хоть и были, на первый взгляд, не самыми приятными, но, несомненно, очень полезными.

Очувтившись на гурановой дороге, Коша вдруг возомнил себя хищной птицей и развил немислимую скорость. Феномен взаимодействия серо-желтого покрытия и каменных копей был мне совершенно непонятен, несмотря на несколько прочитанных книг по шипостроению. Разумеется, как и все, я знала, что между дном транспорта и дорожным полотном возникает какое-то поле, позволяющее перемещаться, затрачивая энергию только на поддержание выбранного направления, но была не в силах представить себе, как именно это работает. Коша, вероятно, тоже не понимал, но прекрасно использовал.

Вскоре впереди показалась стрела, судя по номеру на задней стенке купола, та самая, на которой несколькими часами ранее я прибыла в Тонию. Решив, что лучше двигаться чуть медленнее, чем пропустить нужный поворот, я пристроилась в некотором отдалении от общественного транспорта и осторожно сбавила скорость.

Глава 4

Жена дом создает, жена его и разрушает.

Турецкая пословица

Серо-желтая лента дороги змеей петляла между холмами. Солнце почти село. Порой в тени очередного возвышения вспыхивали холодным светом фасваровые обочины, и казалось, что уже наступила ночь. Указатели давно не попадались, а пейзаж выглядел совершенно незнакомым. Правда, по пути в Тонию я не обращала особого внимания на проносящиеся за прозрачным куполом виды, но не настолько же, чтобы не узнавать совершенно ничего. Идея следовать за стрелой, показавшаяся поначалу такой удачной, с каждым новым поворотом превращалась во все большую глупость.

Наконец от дневного светила осталась только узкая красная полоса на горизонте. Окончательно уверившись, что таким образом и к полуночи не окажусь дома, я потянула рукоять управления на себя и взмыла над обманувшим мои надежды проводником. Благополучно пролетев поверх стрелы и уже намереваясь так же удачно занять положенную позицию в полуметре над дорогой, я вдруг увидела, что вздыбившееся гурановое полотно несется навстречу и без того изрядно поцарапанному Коше.

Дальнейшее плохо отложилось в памяти. Сначала сработал амулет, закрепленный на носу шипа, и его волной подбросило вверх. Затем раздался противный скрежет – это следовавшая сразу за мной стрела каменным брюхом протаскилась по образовавшимся на дороге буграм. Фасваровая крошка с обочин светящимися веерами разлетелась в стороны. По земле, шагах в тридцати перед остановившимся носом поврежденного транспорта, зазмеилась трещина. Сперва тоненькая, почти неразличимая, она вдруг с оглушающим треском превратилась в глубокий разлом, разорвавший дорожную полосу, словно бумагу.

Стрелу подбросило вверх, перевернуло, ее смятый нос цапнул бок моего шипа. Второй сработавший амулет отшвырнул Кошу в сторону. А я, вцепившись в рукоять обеими руками, неверяще уставилась на то, как поднимаются из пролома прозрачные кляксы, мерцавшие, словно присыпанные золотой пылью. «Калфы!» – пронеслось в моей голове. Но тут шип снова трянуло, и я, сильно стукнувшись затылком, потеряла сознание.

В себя пришла под зарево вспыхнувшего совсем рядом огненного шара. Мой каменный конь болтался высоко над землей, а внизу, рядом с растерзанной стрелой развернулось настоящее сражение. Каждого гостя из разлома окружало несколько боевых механизмов. От обычных транспортных шипов они отличались меньшими размерами и отсутствием стеклянного купола. Четыре узких глазницы смотровых око-

шек навевали мысли о каком-то уродливом насекомом. Те же ассоциации вызывал и расположенный на носу небольшой хоботок, плюющийся огнем.

Работу охотников я видела впервые. Зрелище и пугало, и завораживало одновременно. Почти прозрачные, бесформенные фигуры калфов беспорядочно метались, уворачиваясь от сгустков голубого пламени. Неживого, холодного. С каждым новым попаданием духи становились все меньше и все материальнее. словно полотнище тончайшего кружева, складываясь, превращалось в плотный рулон, напоминавший силуэт человеческой фигуры.

Шипы охотников из первых рядов отлетели в сторону, уступая место еще не исчерпавшим силы. Грэгори рассказывал, что специальный механизм, преобразовывая в огонь энергию мага, буквально за несколько залпов опустошает магический резерв. Калфам тоже приходилось не сладко – один за другим они тонкими «свертками» золотой ткани падали в пролом.

От вспышек рябило в глазах. Я зажмурилась и потеряла виски, пытаюсь прогнать дурноту.

– Цела? – вдруг рявкнул кто-то в самое ухо. Я в ужасе уставилась на появившуюся в проеме распахнутой дверцы сотканную из светящихся нитей физиономию и заорала прежде, чем до измученного страшными картинками мозга дошло, что это всего лишь один из магов. Ледяные руки обхватили мое лицо, и я снова уплыла в беспамятство.

На дне ущелья было сыро и холодно. Очень холодно. Как будто все вокруг было выточено из черного льда. Присыпанные золотом бесформенные калфы кружили надо мной, словно призраки, перебрасывая друг другу комки грязи. В какой-то момент я поняла, что в их полупрозрачных «руках» не земля, не мусор и не тряпки, а безвольные тела пассажиров стрелы. Некоторых из них я видела по пути в Тонию, другие были незнакомы, но у всех без исключения лица были мертвенно бледны, а глаза – закрыты.

Калфы постепенно уменьшались, как под воздействием огня охотников, и приобретали почти человеческие очертания. Их хрупкие, похожие на золотые статуи фигуры, обвив тонкими руками свои игрушки, заметались в какой-то причудливой пляске. Мне даже стало казаться, что это не проклятые духи разлома, а сказочные феири, о которых я не читала. Такие же изящные, невесомые, волшебные. Способные затанцевать человека до смерти.

Словно в подтверждение этой мысли калфы вдруг разом застыли в каком-то особо сложном па и... один за другим стали отрывать своим «партнерам» головы. Я застыла в ужасе, не в силах отвести взгляд от жуткого зрелища. Холод, который я почти перестала ощущать, окатил новой волной. Прямо надо мной возникло смазанное, будто оплавленное лицо духа. Ни носа, ни рта, ни глаз у него не было – только надбровные дуги и скулы выступали на яйцеобразной го-

лове. Я попыталась отползти, но поняла, что совершенно не чувствую своего тела. И тут золотая маска треснула, на ней распахнулись два огромных светло-желтых глаза и вспыхнули нестерпимо ярким светом. Я заорала и... проснулась.

Солнечный луч, коварно преодолев стекло купола, путешествовал прямо по моему лицу. Я зажмурилась, потом прикрыла глаза рукой и попыталась из-под нее осмотреться. Никакого ущелья и калфов – я по-прежнему находилась в салоне Коши. Вот только... сам шип почему-то оказался снова в Тонии, буквально в десяти шагах от Тораты.

Черный лед моего кошмара исчез, но холод остался. Меня знобило, окоченевших ног я почти не чувствовала, а запястье, видимое между перчаткой и слегка задравшимся рукавом, почти сливалось по цвету с синевою эсты. Болела голова. Да что там – болело все, словно по мне раз пять туда-сюда проволокли стрелу, груженую булыжниками.

Я не помнила, как оказалась опять в чужом городе, не помнила произошедшего со мной после прикосновения того мага. Но хуже всего было то, что в безоблачном небе уже довольно высоко висело солнце. Я впервые не ночевала дома.

Думать и одновременно бороться с ознобом было довольно сложно. В надежде хоть немного согреться я с трудом выбралась из недр шипа, шаркая, словно столетняя старушка, доковыляла до лавочки и мешком рухнула на нее. Глаза уже немного привыкли к яркому свету, и я могла оценить состо-

ание Коши и свое собственное. Грязно-зеленый монстр пережил ночные приключения куда лучше временной хозяйки. Несколько новых царапин не слишком выделялись на общем фоне. Амулет безопасности на носу был полностью разряжен, зато два боковых тускло поблескивали, сообщая, что вполне готовы к работе. Днища мне не было видно, но, судя по тому, что шип стоял совершенно ровно, без каких-либо перекосов, особо серьезных вмятин на нем не появилось.

Мой же облик оставлял желать много лучшего – одежда была невероятно измята, правая перчатка зияла дырой, туфли смотрелись так, словно я трижды пересекла в них свежевспаханное поле. Лица я, естественно, не видела, но буквально чувствовала, что мало чем отличаюсь от приснившихся «игрушек» калфов. Пожалуй, в тот момент я бы отдала половину своего наследства за горячую ванну, кружку обжигающего граджа и парочку пуховых одеял.

Состояние было откровенно пугающим и необъяснимым. Конечно, меня основательно тряхнуло несколько раз при срабатывании амулетов, и это, как и забытье в не предназначенном для сна кресле, не могло не сказаться на моем физическом состоянии, но ведь не настолько же! Рывком поднявшись, я добрела обратно до Коши, отыскивала сумку и подозрительно целую шляпу и, стараясь не слишком заметно шататься, направилась в сторону здания, на первом этаже которого еще вчера заметила броскую вывеску в виде пробирки. Мне срочно нужен был лекарь.

Лэйд Ойбо смотрел на меня с явным неодобрением и даже брезгливостью, но придерживался покровительственного тона беседы.

– На что жалуемся, деточка?!

Очень хотелось ответить: «На вас, дедушка, главе Тонийского Кручара» – подняться и уйти, хлопнув дверью, но времени, а главное, сил на поиски другого лекаря не было.

– Озноб и слабость, – максимально коротко сформулировала я.

– А причина какая, деточка? – с теми же снисходительными интонациями спросил мужчина.

– А вот вы мне и скажите причину, – прозвучало грубо, но никаких добрых чувств этот уже немолодой лэйд у меня не вызывал.

Ойбо поджал и без того тонкие губы, смерил меня взглядом и скомандовал:

– Руки на стол!

Тянуться через довольно широкую столешницу было не слишком удобно, но воспользоваться смотровым диванчиком мне, судя по всему, никто предлагать не собирался. Пальцы мага, обхватившие мои запястья, оказались сухими, шершавыми и обжигающе горячими. Я невольно дернулась, ощутив, покалывание от устремившихся вверх по рукам искорок. Мне становилось все неприятнее, а брови лекаря поднимались все выше.

– Что со мной? – не выдержав, прервала молчание я.

– Игрищами увлекаться не надо! – сообщил маг. – Или хоть количество «игроков» ограничивать.

– Игрищами? – мне вдруг стало совсем плохо. – Какими еще игрищами? Какие игроки?

– Ну, это уж вам, деточка, виднее, каких вы игроков выбираете. Сперва доразвлекаются до истощения, а потом к лекарю. Как будто ему заняться больше нечем, кроме как последствия развлечений убирать.

– Каких развлечений? Объясните же толком!

– Сдержаннее надо быть! И партнеров при вашей комплекции не более четырех подряд.

– Что?

– Это только после первого раза организм мгновенно восстанавливается. После второго-третьего – еще ничего. Но семь, милочка, – это уже явный перебор.

– К-как с-семь? – пролепетала я, находясь, кажется, уже на грани обморока.

– А вы еще и не считали? Мой вам совет: зайдите в айронарий и правила почитайте.

– В айронарий? – повторила я. – Зачем?

– Чтобы знать, деточка, что после восьми голодных магов вас уже предки по ту сторону разлома ожидать будут.

Из конторы лекаря я не выползла, а вылетела, и вовсе не потому, что «добрый» чародей пожертвовал своим резервом

в пользу моего здоровья. Этого он, естественно, делать не стал. Меня вела чистая, ничем не замутненная злость. Оставив в приемной лэйда Ойбо почти все наличные деньги – услуги этого любителя поучать были не из дешевых – последнюю купюру я потратила на простенькую шаль, которой попыталась прикрыть измятую блузку, и на удивление бодро пошла к ратуше. Ярость оказалась неплохим лекарством.

До появления на рабочем месте лэйдара, если, конечно, он приступал к своим обязанностям в то же время, что и его коллега из Латии, оставалось еще более двух часов, но я готова была подождать. Как раз и речь бы отрепетировала, и жалобу официальную написала. Я не думала ни о том, что свидетельство о моем потрепанном состоянии и его причинах выписано Ойбо на имя Элис Виттэрхолт, которым я уже привычно представилась в надежде сохранить визит в тайне; ни о том, что лэйдар Тонии совершенно не заинтересован в приеме претензий от какой-то посторонней девицы в адрес своих магов. И уж конечно я не сообразила, что вместо ожидания вполне могу добраться до Рассветной башни, где от меня в любом случае не смогут отмахнуться, и до мужа, которого этими «игрищами» оскорбили даже больше, чем меня.

Я просто кипела внутри от возмущения, пришедшего на смену страху. Наверное, это было нелогично, глупо, но лекарь со своими двусмысленными нотациями напугал меня больше, чем нападение калфов. Охотнички – элита чароде-

ев, вершина общества! Кормушку они себе нашли! Банку с консервами! Сволочи!

Троих мужчин возле грязно-зеленого шипа я заметила издалека – уж слишком близко к моему Коше они стояли и слишком бросалась в глаза их черная форма с золоченой отделкой. К счастью, мне достало благоразумия, чтобы не наброситься на магов с упреками и угрозами, а немного изменить траекторию движения. Один из магов скользнул по мне равнодушным взглядом и отвернулся – шляпа и шаль оказались неплохой маскировкой. Свернув за полосу декоративных кустов, чтобы под их прикрытием миновать опасное место, я услышала обрывок разговора охотников и рухнула на лавочку.

– Я же говорил, что надо добить! – Голос мужчины был неприятным или просто казался мне таким.

– Отис, не будь идиотом! – оборвал его второй.

– Сам ты идиот. И Алер бы выжил, и объясняться бы не пришлось

– Рэс прав, – вмешался в обмен оскорблениями третий. – Девчонка нам жизнь спасла, а ты «добить»!

– Это мы ее спасли! – возмутился Отис.

– Как сказать... – возразил второй. – Калфы теоретически могли и не заметить болтающийся наверху шип с бессознательным телом, а вот нас, если бы не неожиданная возможность быстро восстановиться, они просто размазали бы тонким слоем.

– Вот именно! – снова подал голос третий. – К моменту нашего появления твари уже основательно нажрались пассажирами стрелы. У нас не было шансов. А потом эти порождения разлома двинулись бы на Тонию, и к тому моменту, когда подоспела бы помощь, от города бы мало что осталось.

– А Алер не стал бы последние силы у девушки забирать, даже если бы точно знал, что его не откачают, – убежденно заявил Рэс. – Это только ты, Отис, чужую жизнь не уважаешь.

– И что теперь? – запальчиво взвился неуважающий. – Пусть лучше нам всем Повелитель дар перекроет? А на охоту лекари с артефакторами летать будут, да? Очень логично!

– Не кипятись! – кажется, третий, чьего имени так и не назвали, был в этой тройке примиряющим. – Выясним, кто она, и с мужем поговорим. Маг мага всегда поймет.

– А если замять не удастся, это неплохая возможность снова вопрос об отмене девятой поправки поднять, Дир. Правильно раньше с каждым охотником айра летала, – принялся рассуждать Рэс: – восстановил силы – и сразу в бой. А теперь что? Выдохся – и чеши до ратуши, твари любезно подождут?

– Слишком опасно для гражданских, – неожиданно мирно вздохнул Отис.

– Не отбить вовремя прорыв куда опаснее, – возразил Дир: – а они в последнее время все чаще. И вообще, как кормушками для соревнующегося во всякой ерунде молодняка

быть – так это не опасно, а на благо общества – так сразу караул! Вон, только на той неделе заигравшуюся дурочку хоронили.

– В любом случае нужно девушку найти, – постановил Рэс. – Заодно и расспросить, как она там оказалась, и почему стрела вместо того, чтобы в Латию следовать, к разлому свернула.

– Зря мы дежурного не оставили ее покараулить, а все сразу в айронарий рванули.

– Зря. Но кто же знал, что она так быстро очнется? Теперь ни девчонки, ни слепка кокона, только корыто это облезлое, и то не уверен, что оно ее.

– Поищем? – предложил Отис. – Далеко уйти она не могла.

Посоветовавшись еще пару минут о том, как вести мои поиски, маги разошлись в разных направлениях, а я осталась сидеть на пригретой солнцем лавочке совсем в другом настроении.

Это в порыве гнева мне были совершенно безразличны и собственные планы, и то, как я буду объяснять, что делала среди ночи непонятно где в наемном транспорте, оформленном на чужое имя. А после подслушанного разговора жажда расправы изрядно поутихла и проснулся здравый смысл. Как ни крути, но противный Отис был прав – охотники действительно меня спасли. Вероятность того, что калфы не заметили бы единственное живое существо на всю округу, была

ничтожно мала.

Я по-прежнему чувствовала себя прескверно – и физически, и морально, но теперь куда больше злилась на лекаря, чем на чародеев. Конечно, ощущать себя использованной, как какой-то бездушный предмет, было ужасно неприятно, но причины у чародеев были более чем уважительные. Последним доводом в пользу того, чтобы отказаться от идеи устраивать разбирательства, стало предположение, что на месте этих магов вполне мог быть Мисталь с его вот-вот готовой родить женой или мой собственный супруг.

Грэгори! Промелькнувший в голове образ мужа вызвал целый ворох панических мыслей. Что я ему скажу? Как объясню? Шестеренки заработали, с бешеной скоростью просчитывая варианты. Решение оказалось на редкость простым и потому гениальным. Я поднялась и решительно зашагала к торговым рядам, выбрав улицу в стороне от тех, по которым отправились на поиски чародеи.

Договориться с дежурным в гостинице оказалось на удивление легко. До стандартного времени расчета было еще чуть более часа, свободный номер тоже нашелся, и улыбчивый паренек был только рад за обещание приличных премиальных зарегистрировать его для «уважаемой лэй». Время прибытия в журнале ничем не подтверждалось, а потому совершенно спокойно было указано вчерашним вечером. Посулив дополнительную оплату, я договорилась, чтобы один из служащих переместил мой шип на стоянку гостиницы, и вихрем

пронеслась по окрестным магазинам, сгребая не глядя все подряд, лишь бы по размеру подходило.

Буквально полчаса спустя я чинно приложила перстень к счету за ночлег и ужин, так же, как уже оплатила и покупки, позволила услужливому парню загрузить многочисленные свертки в Кошу и решила напоследок побаловать себя чашечкой чего-нибудь горячего и булочкой. Все-таки мое физическое состояние оставляло желать лучшего, а путь предстоял не близкий.

Видимо, лимит везения на это утро был уже превышен. Я поняла это сразу, как только вошла в небольшое уютное кафе, расположенное на первом этаже соседнего с гостиницей здания. Почему именно тогда, когда хуже всего себя чувствуешь, а выглядишь и вовсе ужасно, непременно встречаешь именно того, перед кем хотелось бы предстать самым совершенством?

Эрик заметил меня прежде, чем я сообразила развернуться и уйти, и стремительно перегородил пути к отступлению. Высокий, ошеломляюще красивый, все с той же небрежной, словно слегка растрепанной прической – он совсем не изменился.

– Эльза, какая встреча! – Мужская рука по-хозяйски обвила мои плечи и потянула к столику у окна.

– Неприятная? – озвучила я свой взгляд на ситуацию, покорно усаживаясь на диванчик.

– Невероятная, непредвиденная, невероятно счастливая! – воодушевленно вещал Эрик, привлекая излишнее внимание. Впрочем, он его привлекал всегда – белозубой улыбкой, яркими зелеными глазами, шапкой светлых волос и обаянием, которое было столь явно выраженным, что, казалось, его можно потрогать руками. – Ромашку и две булочки, – сделал заказ блондин как по волшебству нарисовавшейся рядом разносчице. – А лучше три!

– Эрик!

– Эльза, сокровище мое, – мужские пальцы обхватили мое запястье: – это чудовище, на которое ты меня променяла, тебя совсем не кормит? – Я возмущенно фыркнула и безуспешно попыталась отнять руку. – Ты так похудела. Но даже это не смогло приглушить твою притягательность и красоту.

– Рик, прекрати! – стараясь не повышать голос, попросила я.

– Не могу, любимая, я так давно тебя не видел, – ничуть не заботясь о наличии свидетелей, воскликнул он и прижался губами к моей ладони.

Эта излишне фривольная ласка была мне так же неприятна, как и вся встреча в целом. Свою самую серьезную ошибку я не видела чуть больше года. Лэйд Эрик Андэр исчез из Латии сразу после того, как я приняла предложение Грэгори. Краткосрочный, как и все прочие, но куда более бурный, роман с этим светловолосым воплощением мужской красоты случился накануне моего второго совершеннолетия. И це-

лых три года неисправимый бабник буквально преследовал меня, не в силах, по его словам, забыть «волшебство настоящей любви». Хотя, скорее, он никак не мог смириться с уплывшим буквально из-под носа состоянием.

Ситуация с уже не интересным поклонником была обыденной, но в данном случае отягощалась двумя моментами. Во-первых, его особенностью была способность убеждать – не имеющему защитного амулета или не обладающему магическим даром человеку Эрик мог внушить что угодно. Меня спасло то, что под воздействием навязанных чувств он рассказал мне о своем даре. В результате первым делом, когда развеялся дурман влюбленности, я приобрела зачарованную булавку, которую и по сей день таскала при себе. Во-вторых, у Андэра были основания считать, что он имеет на меня права, – к несчастью, он был тем, с кем я зашла дальше флирта и пары поцелуев.

Мой опыт в этой сфере был более чем скромным. В девятнадцать я впервые рискнула проверить, не поможет ли... близкое знакомство наконец-то остановиться на ком-то одном, прервать бесконечную череду увлечений. Но единственным результатом стали разочарование, жалость и чувство вины. Ивил меня действительно любил и когда понял, что не вызывает ничего, кроме неловкости, покинул город. Эрик был попыткой номер два, она же стала и последней. И я до сих пор не уверена, была ли она добровольной.

Я молча пила ромашковый отвар, не мешая блондину

рассыпаться в комплиментах, предаваться воспоминаниям и многозначительно поглаживать мое запястье. Скандала, пусть и в чужом городе, не хотелось, а потому приходилось терпеть. Наконец, сочтя, что уже можно вежливо распрощаться, я поднялась. Эрик вслед за мной встал со своего места, его взгляд был устремлен куда-то поверх моей головы, и я, обрадованная, что что-то отвлекло Андэра, сделала шаг в сторону, чтобы выйти из-за стола. Эрик же внезапно ухмыльнулся, также шагнул вбок и, резко притянув меня к себе за плечи, поцеловал.

Вырваться удалось лишь через пару минут и то только потому, что блондин ослабил хватку. Я вылетела из кафе, забыв расплатиться, и оглянулась. Эрик с задумчивой улыбкой взирал на меня через стеклянную гладь окна. Оценив открывавшийся с улицы вид на наш столик, я посмотрела по сторонам, но так и не определила, на кого был рассчитан спектакль. Быть может, на ту девушку с грустным лицом, что изучала витрину магазина по соседству?

Размышлять было некогда. Я вернулась на стоянку гостиницы, забралась в свой шип и направилась к стреларию, где, рассчитавшись кольцом, приобрела билет и тут же отдала его молодой брюнетке, без труда уговорив ту принять подобный подарок, после чего купила дорожную карту и устремилась прочь из города. Домой! К привычной обстановке и, главное, мягкой кровати.

Коша уверенно несся над гурановой полосой, а я, борясь

с усталостью, старательно продумывала, что и как буду врать мужу, и молилась Грис, чтобы Грэгори не было дома, когда я вернусь.

В Брэм-мол я ввалилась через черный ход двумя часами позже. Неказистый с виду арендованный шип скорость развивал не хуже, чем холеные любимцы супруга. Я бы и раньше добралась, но пару раз вынуждена была остановиться из-за накатившей слабости. Да и то, что Кошу пришлось оставить в лесу неподалеку от дома и остаток пути преодолеть пешком, скорейшему возвращению не способствовало.

Окинув взглядом спиралью уходящие вверх ступеньки служебной лестницы, я поняла, что эту преграду покорить уже не в силах. Осторожно открыв дверь, ведущую из маленького тамбура в общий холл, я с опаской ступила на ковровую дорожку. Обнадеженная отсутствием свидетелей, так быстро, как только могла, преодолела первый пролет и... чуть не упала, одновременно споткнувшись и буквально – о ступеньку, и в переносном смысле – встретившись взглядом с Грэгори.

Выражение лица у мужа было... странное. Спокойное настолько, что казалось маской. У меня вдруг сердце замерло от нахлынувшего волной беспричинного страха, чтобы через миг забиться вдвое быстрее обычного. Умом я понимала: максимум, что мне может грозить, – это неприятный разговор или, совсем уж в крайнем случае, требование развода, который был совершенно некстати, но почему-то чувствова-

ла себя неверной женой, застуканной в постели с любовником.

Если не принимать во внимание выражение лица, то выглядел Брэмвейл как всегда: слегка измятая полурасстегнутая рубашка, в скрещенных на груди руках – какие-то бумаги. Ничего угрожающего. Вот только повисшее между нами молчание откровенно угнетало. Я неожиданно вспомнила, в каком виде явилась, и залилась краской. Если ночевка вне дома еще могла не привлечь особого внимания со стороны Грэга, то проигнорировать мой внешний вид он точно не мог.

– Доброе утро, Эльза, – нарушил безмолвие муж.

– Доброе, – опасливо откликнулась я, лихорадочно перебирая заготовленные оправдания. Услышала на улице какую-то колкость про похожие синие платья на приеме Кручара, решила отправиться за нарядами в Тонию, бродила по магазинам до вечера, решила там же и заночевать, утром скупилась все, что присмотрела накануне, и вернулась домой – логично? Логично! Главное – напирать на расстройство из-за Риady Дзи. И не забыть добавить, что кровать в гостинице была ужасная.

– Я пришло к тебе Хайду, – как ни в чем не бывало, сообщил муж и, повернувшись спиной, пошагал к кабинету, из открытой двери которого высунулась чья-то смутно знакомая физиономия.

Я пару раз растерянно моргнула и, опомнившись, так

быстро, как только могла, поковыляла к спальне, где рухнула на кровать, не найдя в себе сил даже на то, чтобы посетить ванную. Причитания и ругань кайры, явившейся с подносом через несколько минут, я уже почти не слышала. Ее слова словно тонули в каком-то вязком тумане, образовавшемся вокруг меня. Перед глазами то и дело всплывало лицо Грегори со странными, твердыми на вид выступами на скулах, кажется, их называют желваками. Но последним посетившим меня образом стал облик незнакомца из кабинета мужа. Я вспомнила – это ему первому в моем кошмаре оторвали голову. На этой мысли я скатилась в глубокий сон.

Тонкие паучьи лапки с неожиданной силой ворочали мое тело, лениво нежащееся посреди мягкой, как пуховая перина, паутины. Они пробегали по волосам, ощупывали плечи, руки, поворачивали туда-сюда голову, касались шеи, пересчитывали позвонки и ребра, оглаживали ноги. Было приятно и чуть-чуть щекотно, я вяло затрепыхалась, перевернулась на бок и подгрребла под себя облачко невесомых нитей. Пелена паутины укрыла меня сверху, и черные мохнатые лапки принялись скатывать тугой кокон. Голова кружилась, хотелось смеяться, но еще сильнее хотелось спать. Спать и не просыпаться.

– Безмозглая, – прошептала паучиха у самого уха, ее странный потусторонний голос был едва слышен сквозь окружавшую меня вату паутины, но я все же уловила еще

Одно слово: – моя...

Проснулась я неожиданно быстро – в незашторенное окно еще светили лучи закатного солнца – и в прекрасном настроении. Потянувшись, обнаружила, что Хайда не только укрыла непутевую хозяйку покрывалом, но и не поленилась вытащить из моих волос шпильки и стянуть жакет и брюки. Туфли, кажется, я все же сбросила сама. Задравшийся рукав блузки обнажил предплечье с алым обручем мэйма. Все воодушевление тут же как волной смыло.

Я поднялась и перебралась в кресло, к столику, на котором сиротливо возвышался давно остывший заварник. Холодная, слишком настоявшаяся ромашка была невкусной, но приятно освежала горло и голову. Избавившись от вызванного истощением отупения, я несколько яснее взглянула на все произошедшее за последние сутки и по-другому оценила увиденное.

Грэгори был зол. Я не сумела определить этого сразу, хоть и видела его таким несколько раз. Не со мной, с другими. Застывшее лицо, ледяные глаза и подчеркнутое обращение исключительно по имени, без его шуточных эпитетов. Он не просто злился, он был зол на меня. И это было странно...

Конечно, я исчезла не предупредив, но разве это причина для столь сильной реакции? По условиям нашего договора я имела полное право устраивать свою личную жизнь, естественно, не привлекая излишнего, большего, чем обыч-

но, внимания и не закатывая скандалов. Ведь предполагалось, что однажды я могу встретить настоящую, а не мимолетную любовь, и потребовать развода. Да и у супруга были аналогичные возможности. Более того, насколько я знала, он ими довольно активно пользовался. Так откуда была эта злость?

Или это усталость сыграла со мной дурную шутку, исказив реальность?

Как бы там ни было, придерживаться выбранной линии поведения показалось мне самым разумным. Ни слова о ключе, ни звука о магах – я просто немного увлеклась прогулкой по магазинам.

Дверь тихонько скрипнула, впуская недовольно поджидавшую губы кайру.

– Проснулась, гуляющая? – прошипела она и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Тебя там хозяин к ужину ждет.

Пожалуй, ни разу до этого я так не терзалась выбором, что надеть и как причесаться, как перед этой домашней трапезой. А ведь никогда ранее меня не волновало, в каком виде предстать перед супругом – в халате и с гнездом спутанных волос на голове или же в изысканном вечернем туалете и драгоценностях. Какая разница, если мне было совершенно безразлично, какое впечатление я на него произведу? Было... ровно до того вечера.

Пометавшись по комнате от шкафа к зеркалу и обратно, я, наконец, решила, что простые брюки и старенький свитер

создадут наиболее подходящий облик и помогут выглядеть убедительно. Небрежно заплетенная коса, перекинутая через плечо, должна была поспособствовать успеху выбранной роли. К разговору с мужем я готовилась так, как не готовилась ни к одному свиданию. И конечно же промахнулась.

Грэгори, восседавший во главе сервированного стола в тщательно отглаженном костюме, настолько же не соответствовал моему обыденному наряду, насколько золотое кольцо не подходит к заштопанным шерстяным носкам. Я мгновенно, в дополнение к волнению, почувствовала себя неловко.

– Добрый вечер, сонливая моя, – поприветствовал меня супруг, как ни в чем не бывало отставляя бокал и поднимаясь.

– Добрый! – Я так и застыла на пороге, ошарашенная парадным обликом мужа и его неожиданно благожелательным настроением. Брэмвейл, подойдя, небрежно чмокнул меня в висок и усадил за стол, после чего вернулся на свое место. Все мои намеренья стойко отрицать свою вину и возмущаться в ответ на любые обвинения вдруг стали совершенно неактуальны. – А-а-а... А ты не злишься? – спросила я с некоторой робостью.

– Злюсь, – невозмутимо отозвался супруг. – Что тебе положить?

– Мне все равно, – ответила я растерянно.

– Попробуй жаркое, – положив кушанье на мою тарелку, предложил Грэгори и безо всякого перехода продолжил: – Я

очень, очень зол.

– Не заметно, – буркнула я себе под нос, внимательно изучая лицо мужа.

– На себя зол, – пояснил он. – Я наивно полагал, что ты достаточно доверишь мне, чтобы ставить в известность о своих планах.

– Я...

– Я волновался, Эль, – оборвал меня муж. – Особенно когда, не обнаружив тебя, отправился в Чарди-мол, где лэй Марвейн любезно сообщила мне, что ты покинула ее дом, не задержавшись в нем и часа.

– Прости, – жалко выдавила я.

– А вот к полуночи я волноваться перестал, – наполняя мой бокал, поведал муж: – посетив все больницы и проверив сводку происшествий, я уже не просто переживал, где ты, а гадал, жива ли ты вообще.

Я молчала, уставившись в тарелку. Начинать оправдываться не хотелось. Да и что я могла на это ответить? Что рассчитывала вернуться раньше, чем меня хватятся? Конечно, можно было рассказать правду, но отказаться от Коши и связанных с ним планов я была не готова, несмотря на захлестывающее чувство вины.

– Прости, я не думала...

– Не думала, что после получения письма с сюрпризом от неизвестного «доброжелателя» нужно быть осторожной? Или что, отправляясь в объятия любовника, неплохо бы пре-

дупредить об этом супруга?

– Какого еще любовника? – возмутилась я.

– Полагаю, Виттэрхольта? – предположил Брэмвейл. – Или ты уже успела сменить объект страсти? Эльза, милая, – вздохнув, продолжил нотацию муж: – я верю, что, уходя утром, ты ничего такого не предполагала, но в следующий раз просто пришли записку. Еще одной подобной ночи мои нервы не выдержат.

Все заготовленные фразы куда-то улетели, уступив место чувству вины. Умом я понимала, что ночное происшествие от меня мало зависело, что вернуться домой было не в моей власти, но все равно ощущала себя чудовищем. Жестоким избалованным существом, заставившим переживать понапрасну и бесконечно разочаровавшим единственного близкого человека.

Наверное, последнее было наиболее болезненным – утратить доверие мужа вдруг показалось мне самым ужасным, что вообще могло со мной случиться. Все вчерашние приключения показались невероятной глупостью и нелепостью, которой непременно нужно поделиться. Ведь Грэг поймет, простит, поможет... Кто, если не он?

Я набралась решимости и уже почти открыла рот, чтобы признаться во всем: от своих подозрений и подслушанного разговора до кошмара с калфами и напугавших двусмысленностей лекаря, но тут муж поднялся и направился ко мне. Я замерла, не зная, чего ожидать, но Грэгори всего лишь оста-

новился рядом и, запрокинув мою голову, принялся рассматривать лицо.

– Постарайся отдохнуть как следует! – наконец резюмировал он, погладив подушечкой большого пальца кожу под глазом. – У тебя все еще очень усталый вид. Поговорим завтра! – с этими словами он наклонился, коснулся губами моего лба и шагнул к выходу.

– Ты на работу? – неожиданно спросила я, нарушив негласное табу не лезть в дела мужа, и внутренне сжалась в ожидании ответа, понимая, что сама бы на его месте вряд ли удержалась от грубости.

– В этом? – не оправдав моих опасений, улыбнулся муж, жестом указав на свой костюм. – У Коллейна сегодня день рождения.

– А...

– А тебе лучше вернуться в постель, неугомонная моя. Ласковой ночи и волшебных снов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.